

Потомок Елизаветы I

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Михаил Шелест

18+

Михаил Шелест
Потомок Елизаветы I

«Автор»

2023

Шелест М. В.

Потомок Елизаветы I / М. В. Шелест — «Автор», 2023

Главный герой из нашего "настоящего" попадает в прошлое путём "переселения душ" в тело дикого аборигена. Место перерождения неизвестно. Время - неизвестно. До поры до времени герою предстоит существовать в племени таких же, как и он первобытных существ, но потом его жизнь начала меняться.

© Шелест М. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	13
Глава 3.	22
Глава 4.	32
Глава 5.	37
Глава 6.	46
Глава 7.	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Михаил Шелест

Потомок Елизаветы I

Глава 1.

– «Видимо, свою жизнь, по понятиям Бога, я прожил хреново, если после смерти возродился в облике обезьяны», – в который уже раз со вчерашнего дня, думал я, горестно вздыхая и разглядывая своё отражение в воде.

Вернее, не совсем обезьяны, а некоего человекообразного существа, сильно смахивающего на... Да, что там, «на». Горилла, – она везде горилла. Только не особо почему-то волосяная.

Сидя в воде по мощную грудь, я пытался поймать рыбу. Сложив не очень длинные ноги «по-турецки» и положив на колени локти, непропорционально, по человеческим меркам, длинных рук, покрытых от локтей золотистым «пушком», я расслабленно ждал жертвы.

Рыбы было много, но мелкой, и она охотно приплывала на приманку – шарик глины, перемешанной со здешними дождевыми червячками, но я ждал подходящего для моих бамбуковых копеек размера жертвы.

Бамбук был не совсем бамбук, как и черви – не совсем черви, и рыба – не совсем рыба. Да и горилла, в моём облики, – не совсем горилла.

Моё новое тело имело скорее коричневую, чем чёрную пигментацию, похожую больше на загар, прямую, но слегка сутулую спину, крепкую шею и развитый торс. Длинные, русые, выющиеся волосы на голове, слегка украшали моё тяжёлое суровое лицо со слабо выраженной нижней челюстью, выдающимися надбровными дугами и скулами, и носом с короткой переносицей.

Вода в этом месте реки стояла, закрытая от основного течения отмелью, и образовывала заводь. Каменистое дно почти не давало мути, если не сильно тревожить донные камешки, слегка припорошенные илом.

Солнце светило со спины и в тени своей мощной фигуры я хорошо мог рассмотреть своё новое отражение и то, что происходило в воде. Шарик прикормки был крупным и плотным, примерно с теннисный мяч, и «рыбья» мелочь не могла раздерибанить его своими передними плавниками, больше похожими на лапки, и клювастыми мордами.

Крупные «рыбины» прятались в ближайших кустах водорослей и наблюдали за мной и мелочёвкой. Видя, что та мирно кормится, выковыривая из глины маленькие кусочки «червячков», предусмотрительно разрезанных мной на много мелких частей, одна из рыбин подплыла к приманке, попутно лениво пытаясь поймать кого-нибудь из мелких сородичей.

Только двойной удар двух копеек гарантированно должен был привести к насаживанию рыбы на импровизированные «гарпуны». Первым било копьё со стороны головы, а вторым, то, что к хвосту. «Рыба», прижатая к камню первым копьём, двигаясь назад, сама насаживалась на второе копьё, легко проникавшее под громадную, почти с кулак ребёнка, чешую.

Первое копьё урона не наносило, скользая по чешуе, и только следующим ударом в большой плоский глаз, оно добивало рыбину.

Вчера, попав в этот мир в тело и разум здешнего аборигена, я так ничего себе на обед и не добыл, пытаясь орудовать одним деревянным копьём один конец, которого, я заточил на камне, и довольствовался корнеплодами, которые тоже добыл не я. Также, кстати, вполне съедобными, но не насытившими меня.

Моему новому телу этого было бы достаточно, но мой разум отказывался удовлетворяться двумя сырыми, хоть и большими, картофелинами и требовал кусок колбасы или, хотя бы, шмат сала с большим куском хлеба.

Тело и разум моего «донора» быстро справились с выкапыванием глубокой норы для ночёвки в крутом глинистом берегу реки, нарвало и наносило травы, по запаху похожей на полынь, и застелило ею пол нового жилища. Потом моё новое тело пробежалось по берегу реки и, найдя подходящий по размеру камень, докатило его до входа.

Я всё это время выступал в роли стороннего наблюдателя. Мой разум доминировал, и сначала я взялся за устройство жилища сам: пытался подыскать для жилья яму, натаскав туда веток, но тело стало самопроизвольно трястись, и я понял, что от страха.

Расслабив свой разум, и отдав себя на волю хозяина тела, я и пообедал, хоть и не плотно, и поимел очень даже неплохое жилище.

Когда жилище уже было построено, а до темноты ещё оставалось время, я прошёлся по берегу и нашёл несколько крепких, гладких камней. Используя найденный «мною» валун, как наковальню, я довольно быстро расколлот найденные мной камни и попытался сделать из них острое холодное оружие.

Чужие громадные руки слушали мой разум плохо. Пальцы с крепкими когтями хорошо сжимали палку, но камни правильно сжимать, в нужном направлении и под нужным углом бить, отказывались. Оставив их развитие на потом, я кое как вырубил из камней подобие наконечников и вогнал их в расщеплённые палки «бамбука». Закрепить мне его было нечем.

Забравшись в нору и закрывшись камнем, моё тело сразу уснуло. Однако мой родной разум заснуть не мог. Это было удивительное ощущение, когда тело спало, а разум нет. Разум аборигена хоть и чутко, но тоже спал, и я попытался уснуть под его храп, но услышал шуршание речного гравия.

Надо сказать, что органы чувств аборигена были более развиты, чем мои, и я ещё не мог полностью их контролировать. А абориген мог. Он принялся, зашевелив носом, но так и не проснулся. Шуршавшие гравием существа его не насторожили. Постепенно успокоился и я, перестав раз за разом вспоминать свои последние минуты жизни в том мире и перекачивая в чужой голове одну и ту же мысль: дар – это, наказание или бред?

Проснулся я в своё первое утро в новом мире и новом теле тогда, когда мой «абориген» окунулся в воду в поисках ракушек и улиток. Я вспомнил свой вчерашний неудачный опыт, и посвятил некоторое время утра на изготовление наконечников для копей.

Сейчас, схватив наколотую на оба копыта громадную рыбину, я не заметил, как порвал её когтями и жадно впился в сочное мясо. Для моего тела эта еда была явным деликатесом. Набив утробу, я повалился на спину, довольно застонав. Тело не только не ело никогда такую пищу, но и никогда не ело так много. Оно испытывало тяжёлое блаженство, а чужой разум благодарность.

Лежа на спине и глядя на летавших высоко в небе птиц, я подумал, что, то, что я не съем, «домой» тащить не надо. Попробовать «деликатес» попытаются многие, и не факт, что только птицы.

«Подумаю о «чёрте», жди чёрта», говорила одна очень неприятная мне старушка, при встрече со мной.

Птицы вдруг стали резко расти в размерах.

– Чёрт побери, – сказал я сам себе, откатываясь от рыбы.

Тело выполнило незнакомую команду неохотно. Но, перевернувшись на живот, оно отпрыгнуло сразу метров на семь от места отдыха, оттолкнувшись сразу четырьмя конечностями и приземлившись на них же.

В полёте моё тело успело нанести кулаками несколько ударов близко подлетевшей «птичке». Не один-два, а сразу очередь. Прикинув, я предположил, что около восьми.

Однако, упав на «четыре точки», тело, забыв о копьях, бросилось наутёк в гущу леса. Сначала на четырёх, а потом, сильно оттолкнувшись передними и поставив себя на задние, на двух ногах, расчищая передними «руками» дорогу сквозь кустарник.

Прямо сказать, было от чего бежать. «Птички», вооружённые полуметровым клювом и почти такого же размера когтями на лапах со «шпорами», вызвали у «моего» тела дрожь воспоминаний, а у меня чувство озноба разума.

Остатки полутораметровой «рыбы» исчезли в прожорливых клювах мгновенно. Похожие на грифов трехметровые птицы, походив по берегу и попытавшись достать меня сквозь кусты, поднялись в воздух, едва не пригнув ветром деревья.

– Птица Рух, – попытался сказать я, но из горла вырвались нечленораздельные гортанные звуки, больше похожие на тихий рёв.

– «Понятно, – подумал я. – Значит разговаривать мы ещё не умеем! А вообще, на сколько мы разумны? Да и разумны ли?»

Разум больше проявляется в стаях, чему способствует обучение, передаваемый опыт, речь и другие виды коммуникации, а существо, в которое вселился мой разум, явно вело одиночный образ жизни.

Пока я размышлял, моё тело вышло из кустов на берег и побрело в сторону высокой, почти вертикальной скалы, стоявшей у самой воды метрах в ста справа вниз по течению реки, а подойдя к ней село возле кучи больших камней и по-детски заскулило.

Из-под завала торчали части тел погибших, точно таких же, как и он существ. Посмотрев на свои содранные в кровь пальцы рук, я понял, что «я» пытался откопать тела, но не смог. В груди сгустилась тёплая тупая боль, заломило скулы, а глаза наполнились слезами.

– «Там, кто-то родной», – подумал я, и понял, почему саднит всё тело и кровит ссадина на голове.

Рядом с завалом, ближе к скале лежали не до конца объеденные зверями останки «моих» родичей. Я понял, что и моё тело лежало здесь же, брошенное племенем, посчитавшим «меня» убитым.

Останки тел были крупнее моего.

– «А! Да ты, то есть я, – детёныш», – подумал я. – «Фига себе! И сколько же мне?»

По размерам получалось, около десяти лет, но кто их тут разберёт?

– «А мне не по барабану?»

Подумав, я понял, что нет, не по барабану. Чем моложе, тем легче будет научить это тело моим приёмам и навыкам, подчинить разум. Физической кондиции, первобытных инстинктов для этого у него было в излишке.

Попытавшись успокоить его, я понял, что он ко мне прислушался и перестал скулить. Я принялся и услышал чуть заметный запах, принесённый ветром. Запах моих родичей, ушедших по берегу, вниз по реке.

– «Пойти за ними?», – подумал я.

Мой зверёныш понял мою мысль и снова заскулил, но теперь уже от страха.

– «Я с тобой», – сказал я ему. – «Не бойся!»

Подавив его волю, я встал и пошёл к норе. Надо было отдохнуть после обеда и подумать. Еда была сытная, желудок полный, и заснул я быстро, проснувшись под вечер одновременно с «пасынком». Немного подумав, я решил задержаться здесь, на берегу этой «рыбной» речки, чтобы немного проникнуть в сущность своего донора и самому поднабраться опыта «выживальщика».

Походив по бережку и насобирав кремня, я принялся учиться правильно скалывать его, и после часа работы получил очень приличный наконечник для копья и несколько наконечников для дротиков. Кое-как приладив к тонким бамбуковым отросткам и испробовав дротики, я понял, что и в таком виде они годятся для охоты на «речную дичь».

Мои огромные мощные руки всаживали снаряжённые острыми и тяжёлыми наконечниками палки в тушки «рыбы» легко и ловко. Убив таким образом ещё две рыбины, и снова слегка перекусив, я успокоился. День был прожит не зря.

Слегка передохнув, я продолжил изготовление орудий труда, а именно топора. Темнело и я заметил высекаемые кремнем искры.

– «Огонь», – подумал я. – «А он мне нужен? Нужен! От хищников, да и вообще... Прогресс, опять же. Что-нибудь сварить».

Тут же захотелось чаю или кофе.

На следующий день я углубил и расширил свою нору. Копать было легко. Мои ладони точно неоднократно занимались этим трудом и без особых повреждений гребли твёрдую глину, как тяпки. А с помощью небольшой деревянной лопатки, вытесанной из куска, расколотого молнией дерева, похожего своей продольной структурой на ель или сосну, работа двигалась очень быстро.

Не то чтобы мне было плохо в норе, но представив себя придавленным тоннами глины, я понимал, что из-под такого завала не выберусь. Пробив трёхметровый «потолок» и установив в нём бамбуковые воздухопроводы, я полностью успокоился и спал ночью хорошо. Моя новая комната позволила моему двухметровому телу расслабиться и отдохнуть так, как оно ещё никогда не отдыхало.

Утром я снова услышал мысленную благодарность от своего «пасынка», причём он обращался ко мне почти официально, как к старшему родственнику. Прислушавшись к нему, я стал понимать его мысли. Его звали Урт. Причем «т», произносилось, скорее, как «ф». Я долго тренировался, чтобы воспроизвести этот звук.

У места наших обедов уже паслись и не улетали грифы. Их было трое. Держась ближе к кустам, я подошел ближе и понял, что могу всадить пару дротиков в ближайшую особь, стоявшую ко мне своей задницей.

Под перо дротики вошли, как в масло, прошив тушу насквозь. Птица, не ожидавшая такой подлости от «кормильца», подпрыгнула, но тут же рухнула на землю.

– Рух, – сказал пасынок. – Пц Рух. Урф – Рух!

– «Молодец», – подумал я, и понял, что дротики метали мы вместе с Урфом.

Я побежал на оставшихся птичек сжимая в левой руке копьё, а в правой каменный топор. Оба оружия были смертельно остры. В три прыжка, я пересёк каменистую отмель и в последнем, самом высоком, всадил копьё одной из них сверху прямо вдоль шеи в межключичную ямку. Клюв щёлкнул рядом с моей рукой, перерубив пятисантиметровый бамбук.

Увернувшись от удара лапой и отпрянув от удара клювом, я резанул толстую шею третьего «грифа» топором. Шея надломилась и повисла, однако «птичка» продолжала наносить хаотичные удары лапами и крыльями, но уже лёжа на боку.

Я мысленно «отпустил» Урфа.

– Урф! – Зарычал он и застучал кулаками по груди. – Урф!

Он приник к ране на шее Руха и стал пить пульсирующую кровь.

– Хорошо! – Сказал я и у меня получилось «Хрша!».

Сходив за ножами мы с Урфом стали разделять добычу. Я подсказывал, Урф резал.

Аккуратно сняв шкуру и срезав с костей мясо, стараясь не повредить жилы, мы насадили его на тонкие бамбуковые палочки и развесили в лесу. Было прохладно. Мух не было. Трава и лист желтел. И я понял, что наступает зима. И ещё я понял, почему и куда уходило племя Урфа. И ещё я понял, из чего я сошью себе первую в этом мире шубу и тёплые сапоги. И ещё я понял, что без огня могу и не выжить.

Следующие три дня я пытался разжечь огонь, но у меня ничего не выходило. Искру кремнь давал слабую. Сам бы я уже давно бросил, но Урф, поняв задачу «хреначил» кремнем о кремнь без устали. Я только успевал менять предмет розжига, выбор которого в этом лесу

был мал, и продолжал вспоминать рекомендации по добычи огня своими руками. Мха не было, трутовик не попадался. Лес, в основном, был хвойный, а грибы на таких деревьях, как я думал, не растут. И ошибался.

На четвёртые сутки, оставив попытки «поженить» два кремня, я пошёл вдоль берега реки за «проклятую скалу». Дискомфорта от холода я не ощущал и переправлялся через водные преграды, возникающие на левых поворотах реки, легко, хотя пар изо рта уже шёл. За пятым поворотом я увидел его. Жёлто-коричневый гриб. Громадный гриб-трутовик на стволе хвойного дерева.

Я стал чувствовать к этому миру благодарность.

Перекусив и насадив гриб на оба дротика, я отправился обратно, не забывая смотреть себе под ноги, ища что-нибудь с металлическим блеском, и у самой скалы я увидел окаменевшую спиралевидную раковину какого-то здешнего моллюска, имеющую явно стальной блеск.

Так бывает, когда один минерал замещается другим. Так объясняют учёные, но как это происходит, по-моему, и они не знают. Но, факт остаётся фактом. У меня был кусок сульфидного железа, называемый пиритом проявившийся в «амоните1». А вечером у меня был огонь.

Мы так долго высекали его, дули на зародившуюся искру, поэтому пламя, появившееся из неё, Урф воспринял, как нечто рождённое им лично. Он снова зарычал:

– У-у-у-урф!

Я переложил огонь в специальный глиняный горшок с небольшими отверстиями в стенках и занёс его в «нору».

Утром я очнулся от паники, обуявшей Урфа. Он метался с горшком по берегу реки, пытаясь разжечь, раздуть, загасший за ночь, огонь.

Взяв его волю под контроль, я некоторое время успокаивал его, потом, разозлившись, «плюнул», и разжёг огонь снова. Получилось быстро.

Практически отключив Урфа, я занялся лепкой различных глиняных емкостей. К вечеру у меня получилась большая ванна для замачивания кож, несколько кувшинов и кружек.

Лепкой я занимался четыре дня. Пока подсохли, растянутые на палках птичьи шкуры. Выделкой шкур я не занимался никогда, что-то смутно помня про использование в этом процессе мочи и очистки кожи от соединительной ткани и жира. Я скрёб кремневыми скребками и мял одну шкуру до вечера, практически добившись её чистоты. Потом положил её в ванну для замочки, пером вверх и оставил до утра. Утром снова растянул на палках и оставил сохнуть. Попутно, отрубил, психанув, мешающие процессу, крылья и повырывал перья, оставив только пух. Без своего перьевого богатства шкура стала значительно легче. В каждую я мог бы завернуться два раза.

На оставшиеся шкуры я потратил ещё три дня, периодически включая Урфа для мездрения. Урф понимал меня с полуслова и выполнял команды беспрекословно. Я даже успевал немного вздремнуть, пока он шкрябал и мял.

Первую шкуру высушив и промыв в реке от мочи, высушили, снова размяли руками и ногами и положили в «нору» на пол пухом вверх. Эта ночь была ночью блаженства, и для меня, и для Урфа.

Холодало быстро. Дней через десять налетел ветер с дождём и сорвал лист с немногих лиственных деревьев, повалив несколько сухостоев, обеспечив меня дровами на зиму.

Осознав необходимость, я отрыл ещё два помещения. Одно для пищевых запасов, другое для дров. Я же не знал, какие здесь зимы и снега.

Вход в мою «нору» так и оставался круглым, но запирался теперь большой, овальной, глиняной дверью-пробкой, запиравшей лаз снаружи. Выходя, я выдавливал «пробку» и закатывал её в боковую нишу.

Нора моя была очень сухой, с гладкими обожжёнными полом и стенами, в которых я вырезал полки для посуды и сухих запасов: кореньев, травяных сборов, сушёных ягод.

В своей свежей моче я засолил и мясо птицы, чтобы оно не испортилось. Его было очень много. Вывялил его, закоптил и оставил на экстренный случай. Как говорится: «Случай бывает разный». Пробовать «засоленное» мясо я пока не стал, хотя Урф так и порывался продегустировать.

О таком способе засолки я слышал от чукчей. И помню их хвалебные отзывы о качестве получаемого продукта, но оставил дегустацию на чрезвычайный случай.

Река стала дымиться туманом и однажды утром, выйдя из «норы» я увидел застывшую воду реки. А я как-то ночью мороза и не заметил. Течение у реки было спокойным, поэтому река «встала» вдруг.

Пройдясь по берегу босыми ногами, я холода не почувствовал. Наоборот, тело горело внутренним теплом.

– «Неужели обойдусь без шубы и чёботов?», – подумал я, однако за шитьё обуви сел. Скроив из трёх частей что-то типа валенок, я стал сшивать шкуры дратвой из хорошо выделанных птичьих кишок парусным швом, стык в стык, который не оставляет ненужной для обуви кромки. Потом я сшил для них непромокаемые сапоги из «рыбьей» шкуры.

Сапоги получились такие, что я не постеснялся бы надеть их и в том, своём мире. Толстая рыба кожа, лишённая чешуи серебрилась. Швы, промазанные рыбьим клеем, вываренным из рыбьих голов и тех же шкур, не протекали.

Однако Урфу мои унты не понравились. Когда я надел их он запаниковал и мне пришлось их быстро снять.

Урфом всё порывался забежать на неокрепший лёд, но я его останавливал несколько раз, а потом просто кинул камень на лёд, предварительно высоко его подкинув вверх. Камень почти отвесно ударился о поверхность реки и исчез, оставив отверстие, из которого выплеснулась вода. Урф обалдел.

– Вода, – сказал я. – Лёд.

У меня уже очень хорошо получалось управлять своим речевым аппаратом. Я зашёл в реку, взломав тонкий лёд и дал его потрогать Урфу руками. Процесс таяния льда в его горячей ладони Урфа завораживал. Он снова и снова брал лёд в ладонь и говорил:

– Лёд. Вода. Лёд. Вода.

Опасаясь за своё здоровье, я вывел его из ледяной воды и заставил надеть унты. Но, как не странно, он принял их спокойно и с интересом наблюдал за своими ощущениями, но потом всё же снял.

– Огонь, – сказал он.

А ночью начал падать снег. Днём мы с Урфом побегали босыми ногами по чистому покрывалу. Холодно не было. Снег падал до вечера, а потом вдоль реки задул ветер и началась метель.

Закрыв наружный вход «дверью-пробкой» изнутри, а внутренний, как обычно, я лёг спать, поручив Урфу вынюхивать угарный газ. Дымовые и вентиляционные трубы были вынесены далеко, но в метель снегом может забить что угодно.

Я проснулся от вдруг наступившей тишины и понял, что все отверстия залеплены снегом. Пошевелив специально вложенной в вентиляционную трубу палкой я пробил снежную пробку и снова услышал шум вьюги.

Холода я не чувствовал даже голым и видя, что огонь в моём «тандыре» затухает, подбрасывать дров не стал. И расшевелил дымовую трубу, из которой посыпался снег.

– «Лучше накроюсь пуховой кожей. Не хочется угореть.», – подумал я, дождал пока погаснут все угли и уснул.

Проснулся я снова от тишины и от холода. Из вентиляционной трубы бил луч света. Я машинально сунул ноги в унты, накинул тулупчик на «птичьем меху» и выполз из «норы», прокопав в снегу проход около двух метров.

Снег лежал чуть ниже моих вентиляционных труб.

– «А это больше двух метров», – подумал я. – «И это только первая метель. Ай-яй-яй!»

В воздухе висел морозный туман.

– Градусов двадцать, не меньше, – прорычал я вслух.

Я подумал, что, раз получается, надо разговаривать. Пусть «малыш» учится русскому языку.

– Ну как, малыш, тепло? Огонь?

– Нет огонь, – сказал Урф. – Тепло. Хорошо. Хорошо-хорошо.

– Ну вот, а ты не хотел. Хотя... Всему своё время. Вот и для шубы время пришло.

Морозы стояли суровые и если бы не шубейка до земли и не пуховые штаны то я бы «дал дуба». Мой организм хорошо вырабатывал необходимое тепло, если был сыт, но его явно не хватило бы для спасения от сорокоградусных морозов.

С забивкой труб снегом я порешал просто, выдвинув конец палки-прочищальки наружу, сантиметров на двадцать и прикрепив к нему пучок перьев. На ветру она крутилась и колотилась по трубе, счищая снег.

С дымоотводными трубами я поступил точно так же, хотя придумал закрывалку от ветра, тоже основанную на принципе флюгера. Но для воплощения изобретения в материальную форму нужно было ждать весны. Трёхметровый конец дымовой трубы едва торчал из-под снега.

Однако, дел у меня особых не было, и я принялся расчищать свой «двор». Попробовал кидать его своей маленькой лопаткой, которой ковырял стены, и понял, что лучше грести снег руками. Я откопал доски, заготовленные загодя из притащенных из леса брёвен, и из одной сделал большую лопату. Махать ею Урфу очень понравилось. Ему вообще нравилось всё новое, что бы я ни придумал. А мне всё больше нравился мой «пасынок».

Потратив день на расчистку прилегающей к «норе» территории, я с чувством самоудовлетворения лёг спать. Прямо в шубе и унтах. Урф не возражал.

Проведя в борьбе со снегом, который шёл каждую ночь, около недели, я подумал, что надо бы озаботиться о пополнении продуктовых запасов, и отвёл один день для рыбалки.

Лёд на реке встал крепко. Проверив у береговой кромки его толщину, и убедившись, что она точно не менее десяти сантиметров, я, взяв лопату, копыя, «удочку» и приманку, пошёл на рыбалку.

Расчистив снег на «прикормленном» месте в лагуне, я увидел «пасущиеся» стайки мелких рыбёшек. Крупной рыбы видно не было.

Расчистив замёрзшую лагуну до самой реки, я увидел и крупную рыбу, стоящую на водостокке ближе к речному течению.

– Понятно, – рыкнул я. – Рыба тут есть.

На входе в лагуну глубина была меньше полуметра, и я решил «задолбиться» здесь. Раздолбив своим большим копьём приличную лунку и забросив несколько комьев глины, перемешанных с мелко нарезанным подпорченным мясом, я стал ждать.

Рыба, распуганная долблением льда, к приманке не приходила, и я решил пройтись по расчищенному от снега льду лагуны. Каково же было моё удивление, когда на «прикормленном месте» я обнаружил три крупные рыбьи особи, мирно кормящиеся в водорослях.

Я решил «задолбиться» и здесь. Распугав рыбу и пробив лунку диаметром около полуметра, я пошёл дальше по лагуне, и снова увидел ту же «троицу». Вспугнув их топаньем ног, и пройдя по направлению их бегства, я вернулся к первой лунке. Беглецы были там.

Аккуратно и осторожно подкравшись к лунке я поднял копьё и со всей силы ударил им чуть выше рыбины, учитывая угол преломления. Копьё вонзилось точно в спину добычи и пригвоздило её ко дну.

– Рыба! – Закричал я.

– Рыба! – Застонал от восторга Урф.

Рыба билась, прижатая копьём, пробившим её насквозь. Я взял «удочку», и накинул верёвочную петлю, сплетённую из скрученных полосок рыбьей шкуры ей на голову за передние лапы-плавники, которыми она сучила не переставая. Через минуту большая рыба лежала на льду.

Ходя по реке и топая ногами, я сгонял рыбу к моей лунке и бил её. После второй, добытой мной рыбыны, я отключил себя и позволил «порыбачить» Урфу, у которого, надо сознаться, рыбалка получилась даже лучше моей. Он делал всё гораздо быстрее. Движения у него были чётче и экономичнее.

После каждой добытой рыбыны он вскидывал руки вверх и кричал:

– Рыба! Урф!

Съев половину одной, самой маленькой рыбыны, я подвесил остальные девять штук на деревья, чтобы они вымерзли. Хотелось строганины.

Урфу понравилась охота на рыбу, и я не стал лишать его маленькой радости. Мне интересно было наблюдать за «своим» телом, которое выполняло работу самопроизвольно, как бы – машинально. Такое бывает, когда ведёшь машину и о чём-то думаешь, а потом замечаешь, что, и тормозишь, и поворачиваешь руль, не включая разум.

То же происходит во время боя, драки, когда разум отключается, а включается что-то внутреннее, глубинное. Твоя сущность.

Жизнь меня была и кидала, как говорить, и я переживал такое неоднократно, поэтому сейчас просто испытывал кайф, как бы переводя сознательно свой разум в «изменённое состояние».

Урф «рыбачил» самозабвенно и на следующий день добыл двадцать две крупные рыбыны и пять поменьше.

Каждый день нам приходилось начинать свой день с откапывания «норы» и зачистки территории от снега. Если бы мы не стали его чистить с первого дня...

* * *

Верёвка, изготовленная из рыбьей кожи, скрученная из пяти жгутов, была, на мой взгляд, самой прочной для использования её в качестве тетивы для арбалета. Верёвки из птичьих кишок тоже были ничего себе, но быстро высыхали. У меня не получалось сделать её эластичной. Попытка сделать верёвку из птичьих сухожилий, успехом не увенчалась.

Заготовив несколько образцов арбалетных «плеч» из трёх видов деревьев, я выдержал их в «жёлтой воде» и слегка выгнул. Над плечами я работал долго и усердно. Гладкие и приятные на ощупь они блестели, как известные причиндалы.

Когда я их уложил в пазах, закрепил через сквозные отверстия круглыми кольшками в ложе, я притянул плечи снизу друг к другу за специальные крючья распаренной птичьей кожей и высушил её на огне. Кожа задубела и плечи застыли на арбалетном ложе «мёртво».

Используя кольшки, вбитые в доску, я чуть согнул плечи и прикрепил к ним тетиву.

– Не уж-то всё?! – Прорычал я, натянул руками тетиву и вложил «ясеневый» «двупёрый2» болт в «половинный паз»3, прижав его сверху гибким сучком.

Наведя на входную «дверь» арбалет, я спустил тетиву. С приятным и знакомым мне звуком тетива «тункнула» и заострённый деревянный болт впился в дверь.

– Урф! – Закричал Урф. – Ура!

После этого я попробовал стрелу с кремневым наконечником. Стрела вошла в дерево глубоко и когда я её аккуратно вытащил, увидел, что она не расколота. Бандаж из распаренной и высушенной кожи удержал наконечник. И вот это уже была настоящая победа.

Глава 2.

Прошло три месяца, как я жил в этом мире. Три раза по тридцать суток. Я вёл и другие наблюдения за солнцем, но кроме того, что полуденная тень стала укорачиваться, что говорило о том, что скоро будет таять снег, я ничего не замечал.

Ещё через тридцать дней Урф попросил снять шубу и унты. На берегу днём стояла жара, но с реки тянуло холодом.

Вспомнив, что я хотел сделать погреб-ледник, я принялся за работу, пробив из провизионной камеры ход-туннель под углом сорок пять градусов вниз и вырыв погреб в виде куба два на два метра. Выморозив свою нору, я наколол и натаскал в ледник льда и присыпал его речной галькой. Туда же я перетаскал мороженную рыбу, остатки копчёностей и наш НЗ.

Через пять дней река затрещала. На солнечной стороне берега расцвели бело-голубые цветы, похожие на наши подснежники. А я подумал, что нас может смыть паводком и стал рыть из моей норы аварийный выход вверх в сторону леса. Моя нора была вырыта в глиняном откосе, начинавшемся метрах в двух от уровня воды, но паводок ожидался, судя по выпавшему снегу, большой.

Я торопился, поэтому использовал для выноса глины одну из птичьих шкур. Пух на шкурах держался крепко и мне её не было жалко. Будем живы, добудем ещё.

Я успел.

Однажды ночью, проснувшись от ощущения сырости, ступив на пол, я нащупал воду. Моя глиняная кровать с пуховой периной возвышалась над полом «норы» примерно на полметра, а на полу под подошвами хлюпала вода. Немного, но со стороны «дверной пробки» слышалось тихое журчание. Подхватив свою перину я шагнул в туннель аварийного выхода.

Выбравшись наружу я увидел ближайшие стволы деревьев, белый снег и понял, что рассветает.

Аварийный выход был окружён небольшим строением из жердей, обмазанных глиной, с крышей и подобием двери, а строение окружено чем-то похожим на частокол из стасканных в круг деревьев и валежника. Волки и медведи пролезть не могли, думал я. Урф в надёжности укрепления сильно сомневался. Он не любил спать под открытым небом.

Речной поток шумел. Лёд сошёл дней шесть назад. Осторожно ступая по очищенной площадке, я дошёл до её огороженного брёвнами края, возвышающегося над рекой.

– Мама дорогая! – Непроизвольно воскликнул я.

В неуверенных лучах солнца я не увидел противоположного берега.

– «Хорошо, что река равнинная и её уровень поднимался медленно», – подумал я.

– Река! Вода! – Восхищённо сказал Урф и запрыгал, ухая, с ноги на ногу. Я бы и сам запрыгал от увиденного, если бы додумался.

– «Там болотина... Понятно, почему там и тростник – «бамбук» растёт», – подумал я. – «Сезонный разлив реки».

Рассвело и я спустился в «нору». Воды там было по мою кровать. Двери-пробки надёжно сдерживали воду. А кладовые были тоже заперты. За них я был спокоен.

– Когда река спадёт вода сама уйдёт, – пропел я. – А пока будем спать наверху.

Ночь в «хижине» прошла бессонно. Урф не спал и своим ужасом будил меня. Постоянно приносясь, прислушиваясь и вздрагивая, он порывкивал, и я просыпался.

– Ну чего ты боишься? – Сонно спросил я.

– Гр-р-р! – Рычал он, держа в одной руке топор, в другой копьё.

Я тоже принюхался и уловил пряный запах кошачьей мочи. У меня зашевелились волосы на загривке.

– Тигр? – Спросил я и, почувствовав опасность, вышел из хижины.

Ночь была лунная и тихая. Вода спадавшей реки тихо журчала. Тень облака неожиданно закрыла луну, и я, упав на землю, перекатился через левое плечо в сторону завала. Там была небольшая нора. Но я туда не успел. И слава всевышнему...

Чёрная тень в лунную ночь на чёрном фоне, это всё равно чёрная тень. Кошка была чёрной и большой.

– «Что ж я не разжёл огонь?», – подумал я.

Кошка прыгнула на меня, а я, выставив оба оружия, нырнул вперёд под неё, падая на спину.

Копьё и топор лишь скользнули по её телу, а она зацепила меня когтями левой передней лапы.

Перевернувшись, я вскочил на ноги и увидел перед собой, на фоне реки громадную чёрную тень. Мне захотелось метнуться в нору, но я не успевал.

Кошка стояла, приподняв, чуть согнутую, правую лапу.

– «Задел», – подумал я и точнее направил копьё с большим острым кремневым наконечником на силуэт, отведя правую руку с топором чуть назад, и шагнул вперёд.

Сделав ложный выпад вправо, и чуть присев на правую ногу, я оттолкнулся, взлетев высоко вверх и упал на зверя, вонзив в него копьё. Он не ждал этого от «добычи».

Отпустив копьё, воткнувшееся ему в шею, я вцепился ему в загривок и ударил топором по голове. Кот... Я почему-то понял, что это – кот, а не кошка... Кот упал на спину и кости мои хрустнули. Я сильно стукнулся головой о ствол какого-то дерева, но хватку не отпустил, держась за шерсть возле самой кожи.

Кот катался по поляне, но достать меня не мог, а я, когда оказывался сверху наносил и наносил удары ему по голове, пытаюсь попасть, почему-то, в висок. Иногда, когда моё тело свисало от него сбоку, он задевал меня своими задними лапами, и я чувствовал, что истекаю кровью.

Очнулся я от крика:

– Урф!

Кот лежал посреди поляны, а Урф, то есть – я, стоял на нём, опираясь на копьё, торчавшее между его левой лопаткой и позвоночником, и держа в залитой кровью правой руке кроваво-красный топор. Я понял, что именно копьё не давало мне сваливаться под кота, а ему плотно прижать меня к земле. Падая на спину, он всё больше вгонял копьё себе в тело, пока не пробил им сердце.

– У-у-у-рф! – Раздался мой рык.

* * *

Вода сошла через пять дней, но я не стал этого ждать, так как дни стояли жаркие, и, вычерпав воду из «норы», перенёс мясо кота в ледник. За пять дней мы с Урфом очень хорошо зачистили шкуру и растянули её сушиться.

Что это была за шкура!

Короткошёрстный чёрный кот походил на тигра. У него была такая же крупная «щекастая» голова и такие же крупные лапы. Если бы не ночь... Драться бы с ним сейчас я бы, наверное, не решился.

Когти и клыки его были огромны. Он располосовал мне бёдра в семи местах так, что их пришлось зашивать. Благо, кривых игл из рыбьих рёбер у меня было предостаточно, а нити из птичьих жил, бесполезные для вязания тетивы, для шитья рангодились. И благо, что вошла травка, которую нашёл Урф и, разжевав смазал, её «кашицей» раны.

Раны кровили, и я больше лежал под солнышком на шкуре кота, чем утруждал себя делами.

Его кости я выварил, получив великолепный холодец, который разлил по горшкам и заложил в ледник. Кости были развешены мной на ближайших деревьях, а череп насажен на кол над моей «норой».

Раны мои ещё не зажили, как появились гости.

Мы услышали их вой и рёв возле «проклятой скалы» и Урф кинулся было в ту сторону, жадно вдыхая запах родичей, но я остановил его. Племя шло по нашей стороне реки и не могло нас миновать.

Я сидел, скрестив ноги, на верхушке глиняного холма, и ждал.

Только через полчаса, я отметил время по солнечным часам, племя подошло к холму.

Первым шёл вождь Хры – громадный самец почти трёхметрового роста. Он шёл, опираясь на дубину из цельного ствола небольшого дерева. За ним шла группа из пяти самцов совсем чуть-чуть поменьше ростом. Дальше шли самцы и самки ещё ниже и значительно хуже выглядевшие.

И проблема роста, и здоровья в племени была, как понимал я, в том, что вся добытая пища съедалась вождём и лишь остатки передавались далее по статусу. Именно поэтому я и остановил Урфа в его порыве, понимая, что ему в племени будут не особо и рады.

А ещё я подумал, что вожак, наверное, справился бы с котом легче меня.

Увидев сидящего на холме Урфа, вожак взревел и стукнул себя по груди. Пятёрка воинов выскочила вперёд и несколько присев стали втягивать воздух, медленно подбираясь к холму.

Я сидел.

Подойдя к «норе», закупоренной пробкой, «пятёрка отважных» обнюхала территорию и особенно чан для вымачивания кож.

– Урф! – Вдруг зарычал один, и его рык подхватили остальные. – Урф! Урф!

Они стали ухать и топтаться с ноги на ногу.

– Ух-ух-ух-ух...

Однако, вожак что-то рыкнул, и они умолкли, остановив свой танец. Вожак подошёл ближе. Всё остальное племя осталось на месте, хотя несколько молодых особей обоего пола, попытались подбежать ближе, но одного из них вожак пристукнул дубиной, несколько не озаботившись последствиями.

Двухметровому малышу досталось изрядно. Он кувыркнулся через спину и, поднявшись, с трудом захромал к матери.

– Урф! – Грозно зарычал Хры и стукнул дубиной по земле.

Я понял, что Урфа, то есть меня, зовут к ноге вождя. Я «помнил», что вождь делал, со своими подданными, особенно с теми, кто в чём-то провинился или преуспевал: мочился на них, забирал еду, лупил. В общем, всеми своими поступками, доказывал, «кто в доме хозяин».

Мой мозг быстро работал.

– «Одному – скучно», – думал я, – «А в племени не безопасно и могут в любой момент «трахнуть». И не один раз. Ещё можно запросто получить дубиной по башке и сдохнуть. С шестью такими бугаями мне не справиться».

Однако Урф скулил и просился в стаю, и я отпустил вожжи.

Урф скатился с пятиметрового склона и, подбежав к вождю, упал на спину. Он катался вокруг вождя, как колобок, подползал, и на спине, и на карачках, трогал его за ноги и, даже за гениталии.

Меня это несколько коробило, но я терпел, понимая, что в «чужой монастырь со своим уставом не суются».

Короче, получив несильный тычок дубиной вбок, я был допущен к телу. Вождь с интересом рассмотрел мои шрамы и даже плюнул мне на бедро, растерев плевком пальцем, что означало его заботу о моём здоровье, понял я.

Рыкнув, он спросил, кто это сделал?

Урф показал на череп, торчащий на колу.

– Брас! – Вскрикнул вождь, вздрагивая телом и отступая назад.

– Урф! – Гордо сказал Урф.

– Урф! – Охнуло племя.

– Урф! – Грозно сказал вождь и треснул меня по плечу дубиной. Я упал.

– «Сука!», – подумал я. – «Как больно!»

Он мне очень не нравился.

– «Может убить его?»

Но Урф снова повалился на спину и что-то захныкал.

Хры слегка ссыкнул в мою сторону, приподняв ногу, и успокоился.

– «Если бы попал, я бы тебя убил», – подумал я, всё больше наливаясь яростью и при-
сматривая удобный осколок кремня среди разбросанных вокруг «отходов производства».

Но надо было входить в здешнее «человеческое общество». Такие у них тут правила.

– «Хотел я вас, родственнички, накормить, от пуза, а вот теперь хрен вам!» – Подумал я, подавляя Урфа в его патриотическом порыве.

Не обращая больше на меня никакого внимания, вождь повёл племя вперёд, а я попал в самый конец каравана, растянувшегося на сотню метров из-за моего хромавшего друга.

У Сора было вывихнуто колено правой ноги. Я понимал, что надорвана внутренняя коленная связка. Голень смотрела наружу.

Подождав, когда вождь и пятерка его приближённых зайдёт за очередной поворот реки, я уложил друга на спину, прихватив его кисть и надавив на локтевой сгиб. Без правой ноги он завалился, не успев охнуть. Я сложил его ногу в колене, аккуратно введя голень вовнутрь, и вставив колено в сустав, выпрямил. Дальше мы шли быстрее.

Как оказалось, стоянка моего племени была совсем недалеко, буквально метрах в пятистах от моей. Норы были выкопаны в почти таком же холме, что и мой, только немного побольше и повыше от уровня реки.

Иерархия соблюдалась и выборе жилища относительно жилища вождя.

Вождь жил в центре горы, его приближённые – рядом с ним, а дальше в обе стороны по убыванию значимости.

Мой статус был самым крайним, если не считать трёх ещё меньших собратьев, оставшихся без родителей. Двое из них были младше меня не на много, а один, вернее – одна, находилась под опекой мамыши, которая кормить её видимо совсем не собиралась.

Пока шли, кормились тем, что попадётся: улитки, раки, земноводные. Первым попадалось всё, последним или ничего, или самое мелкое.

Аборигены опасались глубокой воды, а я нет, поэтому шёл по глубине. Наколов прихваченным мной дротиком пару громадных омаров, я накормил ими Сора и его мать. Потом, увидя «беспризорную» малышню, достал и им по омару.

Видя, что я раздаю еду, что в племени не только е одобрялось вождём, но и в принципе не было нормой, ко мне стали стягиваться слабые и немощные. Я кормил их, пока не видели лидеры, скрывавшиеся время от времени за поворотами.

Накормив всех страждущих, я, наколов очередную рыбину, идущую вслед за мной по мутной воде, вышел на берег и побежал к голове отряда.

Увернувшись от пытавшихся перехватить меня двух помощников вождя, я споткнулся и упал на колени перед вождём выронив рыбу к его ногам.

Хры, увидев бьющуюся рыбу, стукнул её по голове дубиной и, подхватив её громадной ладонью, как ни в чём не бывало, даже не удостоив меня вниманием, продолжил путь. Однако приблизившихся ко мне «лидеров» он, почти не глядя, отпихнул дубиной.

Я стал вторым в стае. Я шёл гордо, но не долго. Уже через десяток шагов лидеры приблизились ко мне и, угрожающе скаля зубы, оттеснили сначала в сторону, а потом и себе за спину. Потом меня оттеснили следующие и следующие. Пока я не дошёл до моей немощной группы.

Но и там я не стал лидером. Немощные взрослые, которых я кормил, посчитали, что лидеры – это они, а я их раб и стали требовать себе кормёжки. Пришлось двоих отогнать, кольнув дротиком, а одного пнуть пару раз ниже спины.

Безусловным лидером я стал для малышни. Самая маленькая убежала от опекуниши и схватила меня за руку, преданно глядя в глаза. Ей по здешним меркам было лет пять. Я не отогнал её, сказав опекунише: «Мой!», и она поняла. Поняла и малышка.

Звали её Игра. Она была, как я знал от Урфа, моей сестрой и желание «удочерить» её было нашим с Урфом обоюдным.

Так вот... Прибыв к новому жилищу я спокойно выбрал самый крайний «дом». Нора была просторной. В том году в ней жила одна из мамаш со своими двумя малышами, но один из них зиму не пережил.

Она с удовольствием отдала мне своё жилище, передвинувшись на несколько шагов ближе к лидеру, а значит, ближе к еде.

Если на переходах питались самостоятельно, что поймаешь, то на стоянках всю добытую и собранную еду приносили вождю.

Племя разбивалось на пять отрядов: три отряда женщин и слабых мужиков – собиратели, два отряда – охотники. Охотники загоняли мелких животных в засеки, они падали в ловчие ямы. Их забивали дубьём и лежащими специально там камнями. На крупную дичь племя не охотилось.

Собиратели – копали и собирали, складывая добычу в корзины. Да, в племени были плетёные корзины и глиняная посуда. И не только глиняная. Использовались рыбы пузыри и сшитые кожаные сумки.

Я обрадовался. Не такими уж были мои «родичи» дикарями.

Ходили они, как я вспомнил, всё больше проникая в разум и память Урфа, к берегу моря, где зима была мягче, и можно питаться морской живностью. Но летом еды там было меньше, чем здесь, и они возвращались, по пути обирая сопутствующие территории. Это была их река, и называли её Мара, по имени их племени. И вождя звали Мар Хры. Всех вождей нашего племени звали Мар, что означало – «сильный».

Оставив имущество и младенцев, заперев в норах, племя разбрелось в поисках пропитания, а меня к себе подозвал вождь, и прохрипел для меня непередаваемое, но понятное.

– Иди-ка, Урф, к реке и налови-ка мне рыбки!

– Принял в работу, Хрымар! – Прорычал я, прикидывая руку к голове.

Так я научил отвечать мне Урфа, чтобы знать, что задание понятно правильно и будет исполнено. Вот он и ответил, услышав приказ.

Вождь чуть не подавился каким-то корнеплодом и настороженно привстал.

Вид у меня, вероятно, был такой тупой и молодцеватый, что он потрепал меня по щеке и дал мне остаток чего-то, напоминающего дайкон, подтолкнув одобрителем в сторону реки дубиной.

В этом месте у реки был пережат с огромными валунами, по которым охотники переходили на другую сторону. Лагуны, подобной моей не было, и я пошёл к камням.

Уже возле берега глубина реки меня не порадовала. Слишком глубоко... Надев на руку кожаную петлю страховочной верёвки, я всмотрелся в воду. Рыба тут водилась. Прицелившись, я метнул дротик. Мимо. Но стрела в воду вошла глубоко. Выбрав верёвку, я повторил бросок. Мимо. Прошёл до противоположного берега. Везде было одинаково глубоко.

Я услышал мысленную просьбу Урфа: «Дай я!»

– Лови сам, – сказал я, передав ему управление телом.

Урф был решительней и настойчивей меня. Там, где я делал один бросок, он делал три. Без устали метая дротик, он, наконец-то добился хорошего попадания и вытащил, дернув верёвку в сторону берега, крупную рыбину.

– У-у-урф! – Крикнул пасынок. – Рыба!

Он прямо с гарпуном принёс рыбу к жилищу вождя.

– Рыба, Хрымар! – Сказал Урф.

Полутораметровая рыба продолжала дёргаться на копьё, а вождь смотрел именно на каменный, острый, как бритва наконечник, торчащий из добычи.

– Что это? – Спросил, что-то прорычав, Хрымар.

– Копьё, – сказал я по-русски, и вынул его из жертвы.

Наконечник имел острые бородки, «крылышки», не позволявшие добыче срываться и очень острый наконечник с бритвенными гранями. Он был плотно примотан пропитанной клеем лентой из рыбьей шкуры к хорошо обструганному и полированному древку из прочного дерева. Дротик был красив своей опасной красотой.

– Грап-и-о... – Повторил вождь, взяв дротик.

Повертев его в руке, он ткнул им одному из помощников в ногу. Тот взвыл от боли, подпрыгнул на месте и бросился бежать. Вождь рыкнул: «к ноге» и беглец понуро вернулся. Хрымар нагнулся к нему и сунул палец в рану. Раненый взвыл снова и дёрнулся, но вождь держал его другой рукой за шею и не дал ему сдвинуться с места.

– Охренеть, – сказал вождь, прохрипев эти слова по-своему, в переводе на русский, покачал головой и, посмотрев на толстую рыбину, повторил: – Охренеть!

Вернув мне копьё и разорвав рыбину руками и зубами, он раздал её своим помощникам. Раненному и мне он дал куски побольше.

Достав из кожаных ножен, висящих у меня на шее на ремешке, каменный нож, я передал его вождю.

– Урф дарит Хрымару.

Нож с обмотанной кожей рукоятью в моих руках смотрелся изящно и хищно.

Хрымар взял нож и ножны. Рукоять утонула в его руке, и лезвие, в сравнении с кулаком, выглядело скромно, но Хрымар выразил своё восхищение в третий раз, с очень понятными мне интонациями.

Но несмотря на подарок жить с собой рядом вождь не предложил. Да и не распределял, похоже, вождь рядом с собой ранговые места. Место зарабатывалось кровью в битвах с конкурентами. Вождь мог высказать только своё расположение, а не приблизить

Мне драться не хотелось. Не дорос пока до настоящих мужских разборок.

Свой кусок рыбы я почти полностью целым принёс «малышам». Взрослых решил не кормить, пока сами не попросят. Почти вся добытая сегодня еда досталась рядовым членам племени. Вождь и его подручные были сыты.

* * *

Следующий день и последующие мало чем отличались друг от друга. Я добывал рыбу, племя, под надзором «помощников» вождя, охотилось и собирало пропитание.

Рыбы в реке было много, но на каждую я тратил десять, а то и больше, бросков копьё. Это меня раздражало, но пять-шесть рыбин я племени приносил ежедневно. Одну рыбину вождь всегда оставлял мне. Не думаю, что он делал это, видя, что я кормлю малышей. Похоже, его не волновало, как питаются его соплеменники и их самочувствие.

Как-то утром, после «развода на работы», я подошёл к Хрымару и сказал:

– Река. Рыба. Мало. Пойду туда.

Я махнул рукой вниз по течению. Вождь, не глядя на меня, одной рукой почесал себе зад, а другой лениво и небрежно, но явно одобрительно, махнул.

– Тырф, Срок, Урф – рыба, – сказал я, показывая на «малышей», и снова делая отмашку в сторону моего бывшего дома.

Вождь всё же соизволил на меня глянуть и поднял дубину. Он явно размышлял, прикидывая, где от «малышей» будет больше пользы: на сборе корнеплодов или на рыбалке. Приняв правильное решение, он махнул на меня рукой, закинул толстый конец дубины за спину и со сладострастием принялся чесать им свою волосатую спину.

Получив одобрение покинуть расположение племени, я свистнул своих помощников и побежал вниз по реке, пока начальство не передумало. Свист у меня ещё получался не очень, но я работал над его совершенством.

«Расконсервировав» склад в моей норе и достав из него боевое копьё, топор, шесть дротиков, арбалет и птичью шкуру, я снова закупорил его, замазав глиной. Не знающие, что в норе есть дополнительные помещения, их, а полагал, не найдут. Разве, что «провизионку» по запаху?

Выдав два дротика подчинённым, я отправился к лагуне. В реку пацаны лезть пока боялись. Похоже, плавать в племени не мог никто.

Не впустив молодёжь в лагуну, я показал, как осторожно надо идти по воде, чтобы не поднимать донную взвесь и подкрадываться к добыче. То есть, сначала я выбил всю имеющуюся там крупную рыбу, а потом запустил в лагуну детишек. Цирк с конями – это фигня, по сравнению с тем представлением, которое предстало перед моими глазами.

Каждый из них, не обращая внимание на дротик, пытался поймать рыбу руками. Ненужный дротик болтался у них на руке, прикрепленный верёвкой с петлёй и Тырф чуть было не напоролся на копьё Срока.

Я остановил «оргию», почувствовав опасность членовредительства. Положив одну, пойманную мной, уже «уснувшую» рыбку в воду, проткнув её воздушный пузырь, я заставил «детёнышей» метать в неё дротики.

Надо сказать, что, по своим повадкам и координации, они очень походили на обычных детей, и, если бы не мой контроль тела Урфа, он бы тоже учился обращаться с оружием гораздо дольше, чем со мной.

Первым в цель попал Срок. Я постоянно рычал: «Выше, выше», – имея ввиду, поправку на преломление, я показал им что это и как выглядит, сунув копьё в воду, и они вроде бы поняли, и Срок попал. Когда он же попал ещё один раз, я вытащил рыбу с его стрелой и отдал ему.

– Ешь, – сказал я.

Срок испуганно посмотрел на меня, добычу есть было категорически запрещено без благословения вождя, но посмотрев на моё уверенное лицо, Срок радостно выбежал из воды и стал рвать добычу зубами.

Положив другую рыбку в воду и похлопав Тырфа по плечу, я тоже вышел на берег и присел на бережке.

Тырф захлёбывался слюной и больше смотрел не на рыбу в воде, а на рыбу в руках Срока.

– Тырф! – Позвал я его.

Он с трудом оторвался от зрелища, пирующего и иногда сытно отпрыгивающего Срока, и посмотрел на меня. Я показал двумя руками на свои глаза, потом теми же пальцами на Тырфа, а потом на цель под водой.

Тырф обречённо продолжил кидать дротик и вдруг попал. Его удивлению не было границ. Он смотрел на торчавший из воды дротик с верёвкой с таким изумлением, что я не выдержал и громко рассмеялся. От моего неожиданного рыка Тырф подпрыгнул, но поняв, что опасности нет, заорал:

– Рыба!

Это было первое русское слово, сказанное в этом мире аборигенами.

– Рыба. Тырф. Есть, – сказал я, повторив слова, которые я говорил Сроку.

Тырф не позволил себя уговаривать. Вытащив свою добычу, он прямо в воде впился в неё зубами.

Сытые и довольные, мы возвращались вечером с богатой добычей. После обеда и сонного часа, я растолкал подопечных и заставил их охотиться, чего они делать никак не хотели. Получив по паре затрещин, они неохотно пошли в лагуну, где муть уже осела и заплыли новые жертвы.

Однако, когда Срок насадил на копьё свою первую в жизни законно добытую рыбину, азарт охоты захватил даже ленивого, как я понимал, Тырфа. До вечера Срок добыл ещё две, а Тырф – три. Тырф имел вид праздничного самовара.

Он насадил на бамбук свою добычу отдельно и нёс её горделиво, хотя, ему явно это было неудобно, так как приходилось нести ещё и толстый «кукан», на котором болталась наша общая добыча, связанная рыбьей кожей попарно за хвосты, в количестве двенадцати тушек, каждая килограмм по десять.

Лагерь нас встретил «гуканьем» и рёвом. Даже вождь приветливо помахал нам рукой со сжатой в кулаке дубиной.

Тырф свою добычу передал вождю персонально и получил от него дружеское постукивание рукой по спине.

В племени было всего около восьмидесяти особей, из них – сорок семь взрослых и восемнадцать грудничков. Остальные – в разной степени юношества и детства.

В одной из взятых нами с собой корзин было две шкуры птицы «Рух», а в другой: ножи, остря, арбалет и дротики.

Когда я достал шкуру и расстелил её перед вождём, он даже слегка отпрянул от неё. Я раскинул руки, покачал ими, словно лечу, и показал на небо.

– Кли? – Спросил вождь.

– Кли, – согласился я, вспомнив, как кричали эти птицы, пытаясь меня убить.

– Урф? – Спросил вождь.

– Урф, – скромно сказал я, потупив глаза, и получив одобрительный удар кулаком в плечо.

Моя другая рука непроизвольно дёрнулась, выбросив кулак, но до цели не достала. Руки ещё был коротки. Однако вождь посмотрел на меня с интересом и стукнул кулаком в плечо ещё раз, но послабее. Я стоял, глядя исподлобья на вождя.

Тот оставил игру в «гляделки», потрогал ступнёй мягкий пух и зафыркал от удовольствия. Эффект от щекочущих подошву пёрышек был непередаваемо приятным и мне знаком. Я улыбнулся. Вождь прошёлся по пуховому ковру и резко завалился на него телом.

И тут я увидел, как один из «приближённых» достал из корзины другую шкуру и, с понятной целью прижав её к своей груди, потихоньку отходит в сторону. Не подумав о последствиях, я, схватив воткнутое в землю копьё, подпрыгнул, резко приблизившись к нему, и всадил остриё копья ему в ступню, пригвоздив её к земле.

От боли вор взревел и выронил шкуру.

Пробив ему «троечку» сильно ниже пояса, я выдернул копьё и саданул ему тупым концом древка снизу под челюсть. Раскрытая в рёве пасть клацнула так, что левый клык выскочил и упал бы на землю, если бы я не поймал его рукой.

Грозно рыча, я оглядел племя и стоящих рядом остальных «приближённых» особ. Вместе с моим взглядом двигалось и острие моего копья. Все не отрывали от него своих глаз, а если и отрывали, то сразу прятали их от меня.

Я услышал рык вождя, но, как оказалось, он предназначался не мне. Обернувшись я увидел, что вождь стучит ладонью по шкуре возле себя.

– Урф! – Позвал он.

– «Твою же Родину Мать! – Мысленно сказал я себе. – Избавь нас боже от барской любви!»

Но Хрымар прихватил другой рукой рыбину, взял в руки подаренный мною нож, ловко, тремя движениями, располосовал тушку от хвоста до головы, сняв филе, и передал его мне. Я прифигел.

Хрымар лукаво глянул мне в глаза и вытащил из сумки, висевшей у него на плече, каменный нож размером побольше моего, не такой изящный и острый, как мой, без кожи на рукояти, но всё же – нож.

– Возьми, – проурчал он. – Урф хороший. Урф Мара.

Я не понял, что он имел ввиду, и он догадался.

– Урф – Мара! – Прорычал вождь, обращаясь ко всем, и ткнул дубиной возле моей ноги.

Всё племя двинулось на «коленипреклонение». Я, памятуя, поведение вождя, одаривал некоторых ударами тупого конца древка. Я не верил вождю, и воспринял его назначение меня вождём, как шутку, и по окончании королевской трапезы пошёл в свою нору, предварительно упав ниц перед вождём.

И это был правильный ход. Вождь искренне и громко, но не злобно, смеялся, порыкивая. Он действительно пошутил надо мной, но с дальним прицелом, и я раскусил его замысел. Проверка на алчность и глупость мной была пройдена.

Глава 3.

Сытая рыбная жизнь племени закончилась вдруг.

Дня через три вождь задержал меня на утренней «разнарядке» и посмотрев мне в глаза своими почти чёрными глазами, сказал:

– Иди с Крэком.

Крэк был главным охотником стаи. Этот взрослый и сильный самец очень походил на Хрымара и размерами, и внешне. Я бы сказал, что они были «близнецами», но, честно говоря, все мужские особи племени для меня были похожи.

Засечный край находился на противоположном берегу реки километрах в десяти от деревни. Крэк сразу взял хороший темп бега и не сбавлял его до самой засеки. Мы с Крэком остановились, а загонщики побежали дальше.

Показав мне рукой, чтобы я не отходил от него, Крэк прошёл в сторону другого края засеки метров триста, разглядывая землю. Увидев искомое, он подозвал меня и ткнул пальцем в следы парных копыт. Я кивнул головой и показал руками «рога». Крэк хмыкнул и кивнул, что-то добавив жеста и пальцами. Язык жестов я не понял и Крэк, догадавшись об этом, показал рукой над землёй рост животного и потом развёл руки в сторону и к лицу.

По его мнению, там были низкорослые и толстые животные не только с рогами на голове, но и с рогом на носу.

Я кивнул, а Крэк, дойдя до противоположного края засеки показал мне моё место, а сам вернулся назад. Я понял свою задачу, – не выпускать загнанных животных из ловушки.

Примерно минут через тридцать со стороны загонщиков послышался рёв и шум. Кроме тяжёлого боевого копья, со мной была связка дротиков в «рыбьей» сумке на плечевой лямке, торчащими из неё остриями вверх, чтобы можно было использовать их для защиты от нападения, «тупо» выставив перед собой.

Внимательно всматриваясь в расчищенное от валежника и кустарника пространство ловушки, я прозевал появление с противоположной стороны, со стороны загонщиков, кабана. Почти такой же, по виду, как известный мне: с пятакон и клыками, поднимающимися вверх, хряк тихо подкрался ко мне справа и едва не пропорол бедро. Только хороший нюх и слух Урфа спас нам обоим жизнь. Ещё толком не видя опасность, Урф подпрыгнул, как испуганный кот. Что-что, а прыгал я здорово.

Опешивший кабан, не увидев меня, резко остановился всеми четырьмя копытами, а я упал на него сверху, вонзив копьё, приколотив добычу к земле. Хряк попытался взвизгнуть, но умер.

И тут я увидел ещё троих, гораздо меньших по размеру животных, наблюдавших процесс убийства их собрата.

Тихо соскользнув с лохматой туши зверя и понимая, что остался только с полутораметровыми дротиками, я осторожно достал один из них и попытался замахнуться, но дикие свиньи с визгом кинулись от меня в сторону ловушки.

– «И хрен с вами», – подумал я. – «Свою норму я уже на сегодня выполнил».

«Тушка» убитого мной кабанчика, возвышавшаяся небольшой горой, тешила моё самолюбие.

Я видел, как в ловушку пробежали ещё несколько небольших животных, а потом появились загонщики. Появился и Крэк. Подойдя к мне, он уставился на кабанью тушу и покачивая головой, прорычал:

– Урф убил Буста!

Пробегавшие мимо нас охотники-загонщики оторопело поглядывали в нашу сторону.

Крэк, продолжая покачивать из стороны в сторону головой, пошёл за загонщиками в ловушку, из которой уже слышались визг и рёв, как охотников, так и добычи.

– Не убивай больше никого, – крикнул мне Крэк и вовремя.

Из ловушки мне навстречу бежали давешние кабанчики. А нет! Это были свинки с детёнышами. И я не удержался, метнув дротик в одного поросёнка. Слишком уж хорошо я представил его запечённым в углях. Рука дрогнула сама в сторону метрового поросёнка и выпустила дротик. Я ничего не мог с собой поделать. Пусть меня наругают, подумал я.

* * *

Как тащили целиком Буста, известнейшего в племени кабана-производителя – это отдельная песня, но отряд с этой задачей справился. Кроме хряка у нас было много мелкой дичи: козочки, кролики и несколько птиц.

Вождь осмотрел Буста со всех сторон и показал на его боках три отметины.

– Хры! – Гордо сказал он, но посмотрев на меня, посуровел.

– Урф убил Буста. Делай еда.

Я понял. Показав вождю поросёнка, я спросил:

– Урф?

Вождь, прищурился левый глаз, махнул рукой и согласился.

– Урф!

Отдав поросёнка сестре и запретив его есть, я скомандовал охотникам, и мы все вместе оттащили кабана ближе к воде.

Достав, подаренный мне вождем, и слегка доработанный мной, кремневый нож, и достав из норы каменный топор, я легко разделал тушу, раскладывая её порционно по корзинам. Шкуру я выпросил себе, хотя вождь и не хотел мне её отдавать. Пришлось задабривать его несколькими перьями из крыла птицы Рух.

В шевелюре Хрымара уже имелось несколько перьев, но почти метровые перья Руха, или как он называл её – Кли, смотрелись великолепно. Я благостно сложил перед собой ладони, закатил глаза и заахал.

– Красиво! – Сказал я.

– Красиво, – вдруг сказал Крэк.

Кабанью шкуру я притащил к норе и показал детишкам, как её скоблить кремневыми скребками. Сала на ней осталось предостаточно, а кое-где попадалось и мясо, которое я специально оставил на ней, и поэтому детишки с удовольствием скребли её, совмещая полезное с ужином. До сумерек шкура изнутри была натуральным образом вылизана и сияла чистотой.

Внутри моей норы имелось три, кроме основного, помещения, одно из которых я определил, как скорняжное. В нём была выкопана большая ванна для вымачивания кож и стоял глиняный «стол» на четырёх ножках для её обработки. Я не хотел показывать своё творчество племени раньше времени.

Ещё одним помещением была кухня с очагом, где я сейчас и разжёл огонь.

Сюда, когда горел очаг, я не впускал никого, даже сестру. Я несколько раз пёк здесь рыбу, дичь и другое мясо, полученные от вождя, заваривал травы и варил компот из ягод.

Я пользовался своей кухней уже месяц и пока без эксцессов. Печка у меня была двухконтурная, типа двойного тандыра. Если нужно просто что-то сварить, я разжигал огонь во внутренней емкости и ставил на неё кастрюлю, если запечь, как сейчас поросёнка, то внутренняя емкость становилась духовкой, и огонь горел вокруг неё.

Поросёнок висел в тандыре на скрепленных деревянных спицах. Его шкурка начинала запекаться. Прозрачный жир шкварча, капал и вытекал в отверстие по «жиростоку» в подставленную глиняную кружку.

Пока поросёнок готовился, я вылез из норы и присел возле входа. Игра пристроилась рядом. Она уже слегка перекусила и поэтому терпеливо ждала ужина. В племени ели один раз в сутки. Перед сном.

Я сидел и смотрел на реку, на проступающие на небе звёзды и взошедшую луну, такую знакомую и, даже, можно сказать, родную, но такую далёкую.

Я подумал, что Создатель не «приколосся» надо мной, не подшутил, и не наказал, а дал мне то, что я просил. А просил я, немощный, лежащий на больничной койке хотя бы одним глазком увидеть речку, лес, рыбалку, охоту и внуков, которым можно передавать свои знания и навыки.

Осознав это, я прослезился. Вроде бы всё так, если не учитывать птичек Рух, диких котов и других диких зверушек, желающих мной перекусить.

Бойтесь своих желаний... Вот уж воистину! Но режим игры – «хардкор»! Сказав Создателю искреннее спасибо, я вернулся на «кухню» и вытащил свинку из «духовки». Сдобренный диким чесноком и другими травами, поросёнок благоухал. Его тонкая золотистая кожица в некоторых местах лопнула и сочилась соком. Я понюхал его и сглотнул слюну.

Уже все забрались в норы, когда мы с Игрой ужинали, тихо урча, как дикие коты, шутливо огрызаясь и борясь за лучшие куски.

* * *

После нескольких, на мой взгляд, удачных «охот» вождь, вдруг отправил меня с женщинами на «кормёвку». В качестве охранника и надзирателя. Похоже, вождь не испытывал к моим «бытовым подвигам» пиетета, а даже наоборот. При виде изобилия добытой дичи, вождь нервно почёсывался, глядя, как большая её часть раздаётся сородичам.

Бредя по лесу среди женщин, которые от меня, от своего защитника, далеко не отходили, я вдруг понял, что он, вождь, считает всю добычу и, соответственно, всё лесное зверьё, и корешки-ягоды, лично своим. А посему, «разбазаривание» данного ресурса стерпеть не мог, и перевёл меня на работу, не связанную с его истреблением.

Поражённый тем, что его поведение является своего рода «предтечей» концепции любой государственной системы, я всё понял. Понял, что этого вождя не интересует развитие его племени, ни в количественном, ни в качественном виде. «Нас и тут (так) неплохо кормят».

Опираясь на своих «приближённых», он терроризировал племя, держа его в полуголодном состоянии, и тут возник я, весь в таком белом.

Я понял, что следующим шагом вождя, если я не успокоюсь, будет «шаг конём по голове», в смысле дубиной по моей «маковке».

Как я уже видел, и с ножом, и с дубиной, он обращается ловко, а взгляд его, то и дело останавливаемый на мне, был, ну очень разумным и озабоченным.

В первый день моей охраны, я «совершенно случайно» метнул в кусты дротик и убил, здорового такого, зайца.

Вернувшись в деревню и сдавая, добытое непосильным трудом, я увидел хмурый взгляд вождя и развёл извинительно руками, мол: «Не знаю, как вышло. Больше не буду», и получил бы дубиной по голове, если бы не увернулся, отпрыгнув в сторону.

Прыгал я... Ну очень круто! Как пружина. И реакция... Видимо во мне совместились мои и реципиента качества. Я вообще не заметил тот момент, с которого я перестал разделять Урфа и себя.

Отскочив от удара, я, поняв свой «косяк», снова развёл руки и, пожав плечами, приблизил своё тело к вождю, чтобы он смог достать меня дубиной. Но не по голове.

В глазах вождя мелькнула тень, и он махнул на меня рукой.

Мне не хотелось вносить в племя раскол и затевать противостояние с главой, но к этому шло. Я слишком отличался от всех своим гуманизмом и жалостью к ближним. Я видел, на чём зиждется единовластие, и мне это не нравилось. Но изменить эти отношения я не мог.

Я понимал, что если вдруг я убью вождя, то чтобы остаться у власти, мне нужно будет убить ещё «человек» десять мужского пола, прежде чем мои соплеменники станут мне подчиняться. И всё начнётся сначала. А пока не будет вождя, все «мужики» передерутся между собой.

Я видел на фактическом примере, как более сильные заставляют работать более слабых, в основном, мужчины – женщин. Мне такой «вождизм» претил, но он являлся основой основ этого и, наверное, любого асоциального общества.

Теперь я понимал, что Хрымар намеренно не давал развиваться эффективным технологиям. Каменный нож у него одного болтался на шее в ножнах, на всякий случай, но пока, чтобы справиться с конкурентами, ему вполне хватало клыков, когтей и дубины.

* * *

Мы с сестрой ушли из племени этой же ночью. С нами ушёл и Срок. Я так понял, что из-за Игры. Что-то уже между ними было, какая-то детская симпатия. Когда я ему сказал вечером: «Мы с Игрой уходим», он сказал: «И Срок».

Стояла середина лета. Всё цвело и пахло. У нас с собой было три корзины. У каждого, даже у Игры, копыя и сумки. Она была хоть и меньше меня в полтора раза, но такая же крепкая.

Мы перетащили все мои вещи в «Мою Нору» и взяли с собой в поход минимум – оружие. Но я хотел, как можно быстрее попасть на побережье, а это можно было сделать только водой. Поэтому, переночевав в «норе», я срубил в лагуне и скрепил тонким ремнём несколько брёвен «бамбука», получившимся из кабаньей кожи, перепревшей в земле и сбросившей щетину.

Ремень я резал по спирали из центра шкуры, и он получился очень длинным. Разделив его на несколько частей, я сделал крепкие соединительные манжеты, стягиваемые кольшками. Поэтому плот получился надёжный, лёгкий и плавучий, с поперечинами из досок, за которые можно было держаться ногами, сидя на крайнем бревне.

Но мои детки отказались на нём плыть. Игра, глядя на меня всё же уселась на плот, а Срок, как я его ни уговаривал – ни в какуюю.

Пожав плечами и махнув на Срока рукой, я вывел плот из лагуны, уселся и оттолкнулся от берега.

Не очень быстрое течение реки позволяло Сроку бежать с нами вровень, что он и делал километров пятнадцать, но потом стал сдавать. Остановившись на песчаном мысу, мы с Игрой поохотились на рыбу, дождались уставшего Срока и вместе с ним пообедали.

Игра настолько освоилась на воде, что бегала по плоту, аки посуху, чего я не одобрял, порывкая на неё.

– Опасно, – сказал я. – Вода. Враг.

– Вода – друг, – возразила Игра.

– Вода и друг, и враг, – сказал я, прыгнул с плота и, взмахнув руками, погрузился под воду с головой.

Я поплыл под водой в сторону противоположного берега, отстоявшего от нас метрах в двухстах. Не выныривая больше минуты, я потихоньку всплыл, и увидел, как Игра и Срок мечутся по берегу, а плот уплывает вниз по реке.

Я замахал руками, делая широкие гребки, и через какое-то время догнал плот, забрался на него и причалил напротив небольшого острова. Испуганные детишки, догнавшие меня по берегу, смотрели на меня, как на воскресшего. Игра смеялась, а Срок похлопывал меня по плечу.

– Видишь, – сказал я Игре. – Вода – враг. Учись плавать, потом вода друг.

Как-то само собой получилось, что Срок уселся в центр плота на доски, и мы уже решили плыть снова, как я передумал. Солнце садилось, а лучшего места для ночёвки я не видел.

Завалив высокий ствол бамбука на нижней оконечности острова, мы прикрепили его к его же пню, а к его тонкому концу привязали плот. Таким образом, я рассчитывал уберечься от хищников.

Нарубив ещё бамбуковых брёвен, мы уложили их на плот, закрыв дыры. И получили прекрасную площадку для ночлега. Однако эту ночь спать нам не пришлось.

Едва зашло солнце, на ближайшем к острову берегу реки появились тени. Я не мог разглядеть и понять, что это за звери, но Урф сказал мне: «Волки». Назвал он их, конечно по-другому, но понял я его именно так: хищные стайные животные. Я сказал по-русски:

– Волки, – и Урф со мной согласился.

– Волки!

С некоторых пор у меня включилось ночное зрение. Вернее, не ночное, а сумеречное. Вроде как ПНВ с ИК подсветкой, но только от естественных световых источников. Как бы включалась функция «яркость» на сто процентов. В крошечной тьме данная способность не работала.

В рассеянном свете зашедшего солнца, я видел этих тварей, и мне не хотелось иметь с ними дело.

Что-то волчье, или собачье у них в облике, безусловно, присутствовало, поэтому: «пусть останутся волками», – подумал я.

Низкорослые и прыгучие существа заполнили берег и стали переправляться на остров, а некоторые, которых снесло течением, поплыли прямо к плоту.

Вооружившись дубиной, я встретил первую особь ударом по голове и всплывшее вверх пузом тело поплыло по реке.

– Бейте, – крикнул я, и отдал своё тело Урфу, он всё же был ловчее меня.

Переправившиеся на остров... крысы. Какие, нахрен, волки?! Это – крысы! Это были крысы, большие, как волки, но – крысы. С такими же ловкими цепкими когтями и безволосыми чешуйчатыми хвостами. Они уверенно ползли по соединяющему плот с островом бревну, и если бы не Срок, быстро и сильно сбивающий их в воду, они бы нас сожрали за пять минут.

Иногда ему не удавалось сбить, вцепившуюся в бревно крысу далеко, и она падала в воду рядом и пыталась вылезти на плот.

Игра стояла слева от Срока, а я справа и мы со всей «дури» стучали по крысиным головам.

– «Как в какой-то детской игрушке», – подумал я.

Пока телом владел Урф, я мог анализировать обстановку и лучше контролировать наше общее поле зрения.

Видя, что Срок сдаёт, я встал не его место и заорудовал дубиной в горизонтальной плоскости.

Иногда, как я замечал раньше, что в бою устаёт даже не тело, а мозг, который отключается, или сразу от большого страха, или после некоего времени, примерно в минут двадцать в моём случае.

Нам с Урфом сейчас было проще. Почувствовав его умственную усталость, я взял управление на себя, и дубина продолжила свои круговые и восьмеркообразные движения. Я экономил силы, используя инерцию тела.

Плотность крысиного потока стала настолько плотной, что «туда-сюда» махать уже было недостаточно, и я стал вращать дубиной правой рукой по «часовой стрелке». Так было легче и продуктивней.

Когда устала правая рука, я переложил дубину в левую, и стал вращать против «часовой стрелки».

Стемнело, а крысы всё пёрли и пёрли. Мелькнула мысль: «Сколько же по реке плывёт трупов?», но было не до размышлений.

И вдруг всё закончилось.

Последняя крыса улетела далеко в реку, дубина сделала ещё два оборота, не встречая сопротивления, как ложка в стакане, размешавшая весь сахар, и я опустил на плот. Мы всматривались в темноту.

Измождённый, я с трудом высек искру, зажёл масляный фитиль и поставил глиняную лампаду на край плота. Потом зажёл ещё одну и ещё.

Игра и Срок от усталости не обратили на это внимание, хотя огонь видели впервые.

– Спите, – сказал я, и они мгновенно заснули.

Урф тоже заснул, но с открытыми глазами. Я просто отключил его разум. Первым дежурил я.

* * *

Утром, не завтракая, у аборигенов это не принято, мы тронулись в путь.

К моему удивлению, скопища мертвых крыс на берегах реки не наблюдалось. Причина загадки лежала на поверхности. Их попросту сожрали хищники-падальщики, или выжившие товарки. Видели мы на берегу, и тех, и других, и третьих, высоко парящих в небе.

Как не странно, птицы Рух, попыток напасть на нас не предпринимали, хотя я сильно опасался именно этого. Наверное, трое «хуманов» для них представляли опасность. А может быть, они опасались меня. Я замечал, что рухи, как-то по-особому стали на меня смотреть. Как-то очень разумно и даже осуждающе.

Река виляла меж невысоких, пологих гор и лишь изредка сжималась крутыми утёсами. Один такой мне понравился своим зелёным цветом.

В геологии я «два по пять», но зелень меди, как и красноту оксида железа, грех не узнать. Прижавшись к берегу ниже скалы, я, побродив по берегу, нашёл, что и искал, – медный самородок, слегка побитый зеленью окисла.

Показав его детишкам, и попросив их не отходить от меня далеко, и опасаться «птичек», продолжил поиски и нашёл ещё один похожий камень размером с два моих кулака. Детишки тоже нашли самородок. Поколотив найденное камнем и увидев, что «камень» от удара сминается, я убедился, что это медь.

– «Прекрасно! Надо смотреть под ноги», – подумал я, и мы поплыли дальше.

Острова, вытянутые отмели или глиняные откосы на реке встречались часто, поэтому наши ночёвки проходили относительно безопасно. Нет, желающие нас сожрать были, но мы, либо отбивались от них, как от крыс, либо отсиживались в глубине убежища, отстреливаясь из арбалета через узкую щель выхода из норы.

Мы не торопились, сдирали с добычи шкуры и кожи, варили рыбий клей и вытапливали жир, и вскоре нам пришлось делать ещё два плота, которыми управляли поодиночке.

Река петляла так, что понять, где, по отношению «север-юг», находится её устье, я не мог. Считал-считал повороты и запутался. Река текла, то по долинам, то по взгорьям. Крупные притоки пока не попадались. Но на каждом ручье мы останавливались и искали на берегах следы жизнедеятельности «человека».

Пока мы плыли, я раздумывал о причинах миграции моего племени. Далеко на юг, так, чтобы стало значительно теплее зимой, они уйти не могли. Максимум тридцать вёрст в сутки давали две тысячи, что явно мало, для попадания в тропики. Значит там должно быть море, а в море тёплое течение.

На небе ночью я чётко видел оба северных созвездия с «Полярной» звездой. Значит, это была моя родная планета. Это меня несколько успокаивало. Хоть ориентироваться можно. Но какой здесь век? Судя по расположению звёзд в ковше Большой Медведицы это не было слишком давно от нашего времени.

Ручка ковша имела некоторый излом, а сам «ковш» чёткую, трапециевидную расширяющуюся «вверх» форму. Я немного интересовался астрономией и раньше видел «реконструк-

ции» созвездий. В далёком прошлом «ручка выпрямлялась, а «альфа», – правая, верхняя в ковше звезда, смещалась влево.

Выходило, что я попал в «новое время», но где, на каком материке, жили такие «человеки», как я, я даже и представить себе не мог.

Вспомнив карту морских течений, я мог предположить, что устье нашей реки находится где-то рядом с Гольфстримом во времена ледникового периода. Тогда, действительно, имело смысл «пендюрить» с континента две тысячи километров к берегу моря. А без Гольфстрима зимнее море не особо то и теплее.

На шестые сутки мы вышли к первому большому притоку справа и на берегу нашли следы естественных «человеческих» отправлений, свернувшего на него весной племени. Шли они после паводка, и я понял, что стояло племя здесь минимум сутки. Судя по оставленным «следам», племя по размеру было не меньше нашего.

В ходе обследования берега притока я обнаружил большой самородок золота, по форме похожий на рыбу. Примерно с три ногтя моего большого пальца в длину (около девяти сантиметров) и один в ширину.

Привязав «рыбу» тонким кожаным шнурком за «хвост» и повесив самородок на шею, я продолжил исследование чужой реки, но ничего интересного больше не нашёл.

На сливе двух рек стоял высокий утёс с узкой полоской песка. На ней мы и решили переночевать.

День перевалил полдень, но до заката ещё было далеко. Я разжёл огонь, и «деткишки» стали готовить ужин: рыбу и ракушки, запечённые в костре, а я продолжил заниматься доделыванием своих первых медных орудий.

Если самородки отжечь в огне и полить водой, то медь становилась мягкой и самородки легко ковались «холодной ковкой». Таким образом, я сделал подобие шара с отверстием для рукояти. Попробовал сделать нож, но он мне не понравился, и я выковал наконечник для копья. Но, честно говоря, медь, по сравнению с кремнем по колюще-режущим показателям и рядом не стояла.

Но сегодня я делал рыболовные крючки. Раскатав между двух камней кусочек меди, и загнув её в виде крючка, я обстучал его, вытянув жало, надкусил зубильцем, сделав бородку, потом расплющил лапоток и полюбовался на изделие. Оценив его прочность, я удовлетворённо хмыкнул и приступил к плетению леси.

На одной остановке я нашёл на берегу ключья шерсти и комки довольно длинного толстого волоса, похожего на конский, возможно – буйволоный.

Я зажал три волоса медной самокатанной проволокой и, ведя деревянным плоским бруском с наклеенной на него рыбьей кожей по такому же бруску, стал их скручивать. Три волоса свивались между собой в трёхжильную нить. Добавляя время от времени в нить волос, я сплёл из того, что у меня было четыре метра леси-плетёнки.

С чувством полного удовлетворения от результатов своего труда я поглощал ракушки рьяно и едва не поломал о жемчужину зуб. Я научил Игру добавлять в раковины жир, ещё имевшийся у нас в запасах, и моллюски получались – объеденье. К отсутствию соли я уже совершенно привык.

Мы не первый раз готовили речные мидии, и у нас скопилось достаточное количество жемчужин. В деревне весь жемчуг забирал вождь. Я удивлялся, зачем он ему, ведь украшения из жемчуга ни он, ни соплеменники, не носили. Отделившись от племени, мы стали собирать жемчуг, хотя я не знал, что с ним делать. Но раз собирал вождь, значит, эти драгоценности кому-то нужны. Жемчужных раковин в реке было много. Каждый пятый крупный моллюск хранил в себе перламутровый шарик. Не выбрасывать же его?

Сверлить его я пока не пробовал, хотя, в принципе, был на это способен. Но для чего?

Переночевали без происшествий. Так же без происшествий ещё через шесть дней добрались до дельты, и тут начались приключения. На развилке мы свернули в русло, закончившееся дровяным завалом.

Плоты были слишком тяжелы для переноски, и нам пришлось выводить их из тупикового рукава вручную. Благо, что течения практически не было. И так случалось восемь раз, пока мы не вышли к морю.

Вернее, мне показалось, что это море, но это оказалась большая-большая лагуна, отделявшая дельту от моря грядой островов.

Прежде чем выйти из реки, мы прижались к берегу и затаились. Берега тут были топкие, кишасшие земноводными, змеями и крокодилами.

Опасаясь малярии, мы уже давно пьём только кипячёную воду, а опасаясь крокодилов, уже три дня не опускаем ноги в воду.

– «Вот почему здесь не остаются жить мои родичи», – подумал я. – «Зимой эта земноводная «дрянь» засыпает, а летом выше по реке значительно комфортнее и безопаснее».

Понаблюдав за лагуной часа два, мы стали искать место для ночлега. При наличии крокодилов и гигантских змей проблема ночлега стояла очень остро. Уже три ночи нам не удавалось спокойно поспать даже с большим костром на берегу. Зверьё огня почти не боялось и нам всю ночь приходилось от него «отмахиваться», а спать днём урывками и по очереди.

Мне казалось, что на каком-нибудь маленьком островке, отделяющем лагуну от моря, крокодилов должно быть поменьше.

Конца лагуны справа видно не было. Левый берег реки переходил в полуостров около километра длинной. Потом шёл пролив метров триста и маленький островок. На нём мы и высадились.

Оказалось, что я поторопился. За островом оказалось не море, а ещё одна лагуна, а за ней гряда островов. И остров отнюдь не был полностью безопасным. Крокодилы безмятежно грелись на солнышке, раскрыв зубастые пасти.

Мы не стали искушать судьбу и проплыв пролив, к вечеру достигли края земли. Здесь бушевал океан.

Как оказалось, племя Урфа никогда на берегу моря и не было, а обитало на берегах лагуны, собирая в илистом дне моллюсков и сладкие корни растения, похожего на рогоз. Ещё здесь обитала больше бегающая, чем летающая птица, размером с курицу. Вот на этом рационе племена и жили.

В общей сложности, как я прикинул, численность собиравшихся здесь аборигенов должна была составлять около пятисот человек. Это для «общезития» много.

Судя по моему племени, не имевшему нормального языка, они не могли друг с другом коммуницироваться, а посему, тут не должно быть слишком мирно.

Управление первого уровня, основанное на родственных связях, то есть на авторитете лидера, допускает коллектив до пятидесяти человек.

Свыше этой численности, необходимо обладать навыками первичной коммуникации: привлекать на свою сторону сторонников из крепких самцов и авторитетных самок. Что я и наблюдал в нашем племени.

Численность коллектива в пятьсот особей можно было удержать в каких-то рамках только с помощью какой-то идеи, или общего закона. Но, судя по моим соплеменникам, до понятия «закон» им было ещё очень далеко.

Я сидел на острове напротив бушующего океана и думал. Игра и Скор сидели рядом, глядя ошалелыми глазами на бьющиеся о круто уходящий в воду песок волны.

Я не мог понять, как коррелируются настоящее время с развитием моего племени. Отсутствие простейших каменных орудий предполагало время около миллиона лет до нашей эры. А звёзды «медведицы» показывали максимум – сто тысяч. И то... Я сильно сомневался и в этом.

Да, мои сородичи были неприхотливы и всеядны. Слегка выпирающий живот намекал на наличие у меня длинного кишечника, готового переваривать сырую пищу и растительную клетчатку. Я видел, как собирательницы выедали почти все цветы и многие, очень многие травы. Может быть поэтому?

Но тогда, если предположить, что я член ограниченного сообщества каким-то образом сохранившихся ископаемых человекообразных, можно предположить и наличие более продвинутых «хomo сапиенс».

В памяти Урфа мелькали отрывочные сюжеты об одетых людях с копьями, но отделить его сны от реальности я не мог. Он уже и сам ходил в одежде, мог и надумать. Хотя в его видениях люди были в тёплых одеждах с капюшонами и маленького роста. Гораздо меньше Урфа.

Налюбовавшись на разбушевавшуюся водную стихию, я поднялся и повёл свою ватагу по берегу.

– В шторм часто выбрасывает моллюски и рыбу на берег, – сказал я. – Ищите.

– Шторм! – Сказала Игра.

– Шторм! – Повторил Срок, перекачивая слово по языку и зубам.

Мы насобирали достаточное количество еды и хорошо перекусили. Сырая рыба утолила не только голод, но и жажду. Запасы воды у нас были в кожаных бурдюках, но мне, как и моим соратникам, хватало влаги, находящейся в мясе.

Пройдя по берегу острова километров пять, до его края мы не дошли. Морская береговая линия была почти прямой, а со стороны лагуны изобиловала бухточками и затонами.

Шириной этот «остров», в чём я уже начинал сомневаться, был около пятисот-шестисот метров, и лишь кое-где шире. Мы шли не по берегу, а по его средней верхней части, скорее всего, надутой ветром песчаной дюне, заросшей травой, и видели его обе стороны.

Со стороны лагуны имелись широколиственные деревья с некоторым количеством высоких пальм. Ничего интересного на нём мы не нашли. Песок, немного травы и небольшие рощицы.

В голове появилась мысль о том, что это может быть искусственное сооружение. Появилось слово «мол», а потом и «лонг бич».

Всё сходилось. Я видел на картах Северной Америки на восточном побережье такие длинные береговые образования, возникшие от столкновения Гольфстрима и течения рек. По моему, я находился в Америке. С очень большой долей вероятности.

Переночевав под открытым небом на тёплом песочке, мы двинулись дальше вдоль «острова» в сторону юга и за этот день прошли ещё десять километров, но края не достигли.

«Остров» то расширялся до нескольких километров, то сужался до своих пятисот метров. Хоть дармовая еда от моря и закончилась вместе со штормом, но в лагуне еды было полно, особенно птицы и рыбы. Так мы шли по песчаным дюнам семь дней и наконец-то вышли к проливу, соединяющему лагуну с морем. А в проливе я увидел парусник.

Вернее, паруса эта груда дерева, скорее всего, когда-то имела, так как её высокие борта, торчавшие из песка, не предназначались для «вёсельной тяги».

Судно, сидевшее на песчаной отмели ближе к противоположному краю пролива, лежало на правом борту носом в направлении на выход из лагуны.

– Не справилось с отливом, – сказал я. – Или с приливом.

Судить о типе судна я не мог, потому что оно лежало ко мне килем, но это было и не важно. Главное – корабль имел не маленький размер. Мне очень захотелось попасть на него.

Пролив «на глаз» достигал метров четырёхста, не больше, и я легко мог бы его переплыть, но мои «детёныши»? И вдруг акулы? Плоты остались далеко.

– Надо строить лодку, – сказал я сам себе, – а это долго. Так и мои сородичи на зимовку припрутся. Со всеми вытекающими...

Можно было бы соорудить плот, но вода в проливе постоянно текла, то в одну, то в другую сторону. Плохо управляемый плот могло вынести в открытое море: «и тогда нам «крындец», – подумал я.

Попытаться попасть между течениями? Проблематично. Заходить в пролив со стороны моря опасно, – сильная волна, может перевернуть.

А нужен ли мне этот корабль? Он наверняка пустой. Команда сняла с него всё ценное на берег. А если не на берег? Вдруг они пересели на другой корабль? Тогда они не могли, а наверняка оставили... Да много чего они тогда оставили, например: чугунный балласт, металлическую посуду, канаты, паруса, бочки с водой. Я вздохнул, поперхнулся набежавшей слюной и закашлялся.

Но... Зачем мне это? Я и так неплохо приспособлен к жизни. И тут я понял, почему мои сородичи технологически не развиты. Зачем? Никто ни с кем не воюет. Более технологически продвинутые здешние народы, вроде индейцев, значительно слабее нас и на нашу реку не заходят. Европейцы, вероятно до нас ещё не добрались.

– «Вот кого надо опасаться!», – подумал я. – «Европейцев. Но как с ними бороться? Поднимать здешнюю технологию? Херня всё это! Выше головы не прыгнешь. Истребят нас пушками и вся недолга».

Глава 4.

Вернувшись к оставленным плотам бегом, мы глубоко прикопали нажитое на сплаве добро: шкуры, золотые самородки, медь, и двинулись в обратный путь посуху. Урф вспомнил, где находится выход тропы, по которой приходили сюда родичи, и мы затопали вдоль реки по зелёному многолесью.

Я понял, что для подвигов я не созрел. Бороться с, хоть и средневековой, но цивилизацией, я был не готов. Да и кто мог бы быть готов? Судя по тому, что дикий народ ещё был жив и спокойно перемещался по сложившимся веками маршрутам, цивилизаторы либо пока не имели интереса к этим территориям, либо существовали с дикарями в некотором симбиозе. Недаром вождь собирал жемчуг, ох недаром. То ли племена откупались, то ли торговали.

Главное, я понимал, что выйди я к «цивилизованным людям», максимум, что меня ожидало, – это клетка в зоопарке и возгласы: «О! Оно ещё и разговаривает!». Поэтому я решил держаться как можно дальше от берега моря.

Однако, возвращаться в племя, – однозначно вступать в конфликт с вождём и его свитой. С приближёнными к «телу» наверняка придётся драться. Это – сто процентов. Они и так постоянно задирали меня, а если вождь махнёт дубиной в мою сторону.... Полетят от меня клочки по закоулочкам.

Тропа шла по левому берегу реки, часто «срезая» многочисленные излучины. Я понимал, что, скорее всего, к зиме мы вряд ли успеем добраться до моей норы, со знакомыми мне местами охоты, и я слегка нервничал.

Нервничал я и от того, что мы стали предметом охоты, какого-то котообразного зверя. Он отличался от той чёрной кошки, которой мне посчастливилось убить в верховьях, и бурокрасной раскраской и размерами.

Кот видом напоминал крупную росомаху или муравьеда и шёл за нами третьи сутки. Почему я подумал, что это кот? Да потому, что он шёл за нами, в основном, по деревьям.

Тут надо сказать, что деревья в этом мире были большие. Вероятно, здесь давно не случались пожары, хотя грозы с молниями здесь гремели. Может потому, что дикари обходились без огня?

А мои «детёныши» уже стали привыкать к приготовлению еды на огне. Особенно им нравился компот из фруктов и ягод. Да и травяной взвар тоже уходил на ура. Я не мог обходиться без чая. Мне с ним лучше думалось. Самое забавное, что и Урф нет-нет, да и тянулся к чайнику с заваркой, когда я погружался в раздумья, или сон.

Ночевать мы предпочитали на берегу реки и поэтому рассчитывали дневные переходы таким образом, чтобы не остаться ненароком в лесу. Мы с утра делали рывок, фактически пробегая большую часть пути, и ночевали у очередной излучины. Долина раскинулась широко, и река петляла изрядно.

Через некоторое время я понял, что за многие годы племя натоптало оптимальный суточный переходы, и мы перестали бегать. Спокойный шаг за сутки приводил нас к берегу реки, где мы находили, и укрытие, и пищу.

Кот меня сначала просто раздражал и когда я понял, что он не один, и их даже не два, мы решили начать на них охоту. То, что их несколько, мне сообщила Игра.

– Кот! – Как-то сказала она, и ткнула пальцами обеих рук в разные стороны. И я тоже увидел.

Как оказалось, мы видели самых маленьких, скорее всего детёнышей, а их мамашу я увидел чуть позже, когда стал внимательнее всматриваться в заросли леса.

Полностью я её так и не увидел, но судя по тем частям тела, что я смог разглядеть, зверушка была большой, чуть меньше убитого мной кота.

Несколько раз мы пытались напасть на неё с копьями, но она просто ускользала, сливаясь своим камуфляжем среди кустов и деревьев. Её «серо-буро-малиновое» полосатое тело легко растворялось в многоцветии леса.

Во время примерно пятой попытки, я обратил внимание, что кошка среагировала на наши рывки в её сторону не так быстро, но всё же в чаще исчезла.

Выйдя на берег, мы увидели почти посередине реки небольшой остров, на котором и переночевали, наловив рыбы и зажарив убитого по дороге кабанчика.

Когда на утро мы переправились обратно и двинулись дальше, я увидел, оглянувшись, что котята переплыли на остров, а кошка осталась лежать на берегу.

– Вперёд! – Скомандовал я Игре и Сроку и мы метнулись обратно, вскинув руки с копьями.

Естественно, я вырвался вперёд и уже был готов воткнуть копьё в тело кошки, как увидел её взгляд. Она смотрела на меня спокойно и обречённо. Уже почти опустившаяся в броске рука вдруг встала колом, когда я увидел на берегу кровавые пятна.

– Стоять! – Крикнул я, и сам остановился как вкопанный.

Детишки, прервав охотничий ор, ударились в мои расставленные руки, и затихли. Мы остановились перед кошкой в трёх-четырёх метрах. Она какое-то время посмотрела на нас и отвернулась в сторону острова, положив голову на передние лапы.

Я понял, что она кормила своих котят нашими обедками, поэтому и шла за нами. Мы были слишком расточительны в своих кулинарных изысках: рыба, мясо птица. Я тренировал детишек в стрельбе из арбалета, лука и пращи, и мы били всё, что нам попадалось. Некоторых птиц мы даже не подбирали, если они падали куда-нибудь в заросли.

А кошка и сама кормилась, так как охотиться не могла, и своих недорослей, уже отказавшихся от материнского молока, кормила.

Срок снова замахнулся копьём, но я рыкнул на него так, что даже кошка дрогнула. По её телу пробежала судорога, и она глубоко вздохнула и выдохнула.

Я быстро достал из мешка кожаные ремни, сделал из них двойные петли и раздал Игре и Сроку, каждому по ремню. Игре я показал на передние лапы кошки, Сроку – на задние.

– Вяжем! – Шепнул я, и кинулся к голове.

Морда у кошки была слегка вытянутая, как у пумы, и мне удалось легко накинуть петлю и стянул ею пасть. Лежавшее без сознания животное не сопротивлялось. Обвязав ремнём челюсти, я закрепил его концы на затылке, помог Игре, так как передние лапы были спрятаны под телом кошки.

Мы перевернули кошку на бок и быстро связали. И тут мы увидели, что грудь хищника была распорота.

Быстро поняв свою ошибку, я схватил зверя под плечо и потянул к деревьям. Игра и Срок подхватили её под другое плечо. Мы развязали передние лапы и растянули их между деревьев, задние прикрепили к третьему дереву, а голову к четвёртому.

Вытащив большую кривую иглу из кожаного мешочка с заправленной в неё волосяной нитью, я быстро зашил рану парусным швом, предварительно промыв её своей мочой. Игра и Срок удивлённо наблюдали за моими действиями и удовлетворённо зарычали, увидев, как я промываю рану.

Иглы из рыбьих рёбер получались великолепные. Разных размеров и толщины, они были прочны, почти как сталь. Иглы были мной заранее прокипены и хранились в чистой сумке, поэтому я надеялся на относительную стерильность операции.

Стянутая плотно, рана практически перестала кровоточить. Хотя, может быть, у зверушки кончилась кровь, подумал я. Промокнув шов сухим мхом, обильно свисающим с веток деревьев, я смазал его густым рыбьим клеем.

Мы развязали мамашу и перевернули её на бок. Котята уже перекусили чем «Бог послал» и крутились рядом, поскуливая и порыкивая.

Я понял, что торопиться нам не надо, и мы устроились неподалёку на днёвку: выкопали две ямки для костров с поддувом, установили на огонь котелки для чая и для варёва. Игра и Срок ушли на рыбалку, я остался на берегу.

Кошка пришла в себя, когда я уже потерял надежду. Вернувшиеся с добычей мои детишки забавлялись в реке, а я хлебал травяной отвар, когда кошка сначала шевельнула хвостом, а потом попыталась приподнять голову.

Не справившись с усилиями, она обречённо положила голову на бок и закрыла глаза.

– Ты лежи, – сказал я, – отдыхай. Мы присмотрим за твоими ребятами.

Шипящие и звонкие звуки мне удавались с трудом, а вот рычащие и хрипящие из горла извлекались легко. Когда я произносил привычные для меня слова, они звучали чёрте как, но я старался. Я даже позволял себе петь что-нибудь протяжное, типа, «Ой мороз-мороз», или «Ой ты степь широкая».

Я зарычал «Мороз». На мой рык откликнулись детишки. Они уже знали эту песню. Потом стали подрыкивать котята. Вряд ли – подпевать. Скорее всего, они беспокоились за мамашу.

Мамаша тоже начала поскуливать. Она делала глубокий вдох, а потом долгий сиплый выдох.

Когда закончилась песня, я перешёл на воспроизведение протяжных звуков, подобных буддийским мантрам, встал и начал ходить, сначала вокруг костра, потом туда-сюда, вдоль берега, то приближаясь, то отдаляясь от кошки.

Она сначала делала попытки приподняться, когда я подходил ближе, но даже не смогла подтянуть под себя лапы и перевернуться на живот. После третьей попытки подняться, она снова потеряла сознание.

Я продолжал «камлание», помахивая горшком с углями, хранимыми нами «на всякий случай», как кадиллом. Я положил в него сырую, приятно пахнущую траву, типа полыни, и зачем-то окуривал раненое животное.

Детишки перестали подпевать, это стало невозможным, так как мои гортанные звуки мало походили на песню, кончили резвиться и внимательно наблюдали за мной. Они и так слушались меня беспрекословно и повторяли за мной все мои движения, а тут.... Я зачем-то вместо того, чтобы убить, сшил раненое животное, а теперь окуривал его дымом, что-то мыча.

В племени шамана не было, и я не знал, были ли вообще в этом мире врачеватели. Полученные раны дикари ничем, кроме слюны, не обрабатывали. Они, или сами вылизывали себе рану, или это делал им младший по рангу собрат.

Мои аккуратные шрамы от когтей дикого кота вызвали в племени удивление. Они, зашитые тонкими полосками рыбьей кожи, там, где я смог дотянуться, и проклеенные поверх швов рыбьим клеем, были гладкими. Но предлагать вождю свои услуги врачевателя я не рискнул.

Сейчас я «потренировался на кошке», как советовал незабвенный телегерой из фильма «Операция «Ы»», и вроде бы получилось неплохо.

Закончив мною выдуманный «ритуал», я присел возле костра и мы с детишками перекусили. Печёной на глиняной решётке рыбой и корнеплодом, типа картофеля, но не картофелем.

Я, ещё будучи «отшельником», вылепил и обжёл почти метровую решётку, «армированную» тонкими и лёгкими косточками из крыльев птицы Рух. На ней было очень удобно печь мясо и овощи.

Выкопав небольшие ямки, я установил в них две большие глиняные миски возле морды кошки. Я сказал детишкам в одну из них налить воду, в другую, – положил очищенное от косточек и отваренное «рыбье мясо».

Мы расположились у костра метрах в десяти от кошки и вскоре к ней подползли и котята.

Меж тем смеркалось, а убежища у нас на этом берегу ещё не было. Но мне почему-то казалось, что пока кошка жива, с нами ничего не случится. Однако детишки мои начали паниковать, и их паника усиливалась тем сильнее, чем ниже опускалось солнце.

– Идите туда, – показал я на остров. – Я приду.

Игра и Срок шустро переправились на остров, а я остался с кошкой. Я обошёл её тело, подошёл к ней со стороны спины и присел рядом с ней на корточки, готовый моментально подпрыгнуть. А прыгал я высоко.

Котята тоже оббежали мать вокруг, и, тихо порыкивая, пристроились со стороны живота. Один из котят подошёл к мискам, обнюхал их, но отошёл и пристроился к собратям.

Кошка была без сознания, и я стал поглаживать её по спине и почёсывать за правым ухом. Проведя ладонью по шее, я почувствовал, как слабо билась на шее, наполняемая кровью артерия.

Разделявая убитых животных, я обратил внимание, что они не отличаются от виденных мной раньше. Системы жизнеобеспечения у здешних организмов были идентичны мне известным, и опорно-двигательный аппарат, кстати, тоже.

От моего очередного прикосновения по телу кошки пробежала дрожь, и я понял, что она очнулась.

Теперь каждое моё прикосновение сопровождалось рефлекторным подёргиванием её мышц, но я, убедившись, что сил напасть на меня у кошки нет, осмелел, и усилил нажатие своей ладони. Я расчёсывал её спутавшуюся полную травяного мусора шерсть своими пальцами и мычал какие-то песни, пока не услышал её мерное дыхание. А вскоре уснул и сам, привалившись на её большое горячее тело.

Урф проснулся на мгновение раньше меня и отпрыгнул в сторону. Уже рассвело. Я увидел, что кошка с большим трудом перевернулась на живот, приподнялась на дрожащих лапах и пыталась дотянуться мордой до чашки с водой.

Чашка была почти пуста. Да и рыбы во второй чашке не осталось ни кусочка. Я обошёл четырёхметровую зверушку и сходил к реке с горшком для воды. Осторожно подойдя к поилке, я наполнил её, но кошка стояла, раскачиваясь, и не могла сделать нужный шаг. Тогда этот шаг сделал я.

Я почему-то был совершенно уверен, что зверь понимает, что я хочу сделать, и вытянула свою морду к моей ёмкости с водой.

Вода из горшка полилась на морду зверя, и кошка, загнув язык таким литровым корытцем, стала забрасывать её в пасть.

Я много раз видел, как пьют кошки, эта пила не как кошка, а как собака. Кошки пьют, цепляя воду чешуйками на языке и поэтому изгибают язык к нижней челюсти. Собаки складывают язык «ложкой». Может быть, и это была не кошка, а большое подобие лисицы? От них и произошли некоторые виды собак.

Я пригляделся к зверю. Её морда, действительно, была узковата для кошачьей. Я на это обратил внимание еще, когда обвязывал её ремнём.

– Ах ты моя собачка, – проговорил я, когда она допила остаток воды, и пошёл пополнить кувшин.

Возвратившись, я захватил остаток свежей рыбы и бросил её к кошке, но она не обратила на еду внимание, потянувшись к воде.

Вылакав всю воду, практически не пролив ни капли, «кошка» снова завалилась на бок и потеряла сознание. Но я уже, почему-то, за неё был спокоен.

Вернувшись к кострищу, я увидел своих детишек, стоящих на берегу острова и рассматривающих картину «напоить зверя».

Срок первым перешёл протоку и подойдя стал тыкать меня кулаком в грудь, что означало в племени высшую степень одобрения. Я отмахнулся от него и, сунув ему копьё, развернул его к реке и легонько пнул его под зад коленом.

На что Срок отреагировал весело и прихватив второе копьё для Игры, запрыгал к острову. Рыба ловилась там.

* * *

Мы пробыли на этом месте восемь дней. Именно столько понадобилось Рыси, как я назвал «кошку», чтобы принести первую дичь. Вставать и ходить она начала на третий день, но лишь на восьмой она вышла из зарослей с подобием енота. Может быть, это и был енот, но морда его, попорченная клыками, идентификации не поддавалась. Видимо Рысь схватила добычу, вылезавшую из норы.

Рысь поднесла добычу мне, положила к ногам и, вернувшись на «своё место», похлебала воды и устало легла.

Котята ходили на охоту вместе с матерью и сейчас, поскуливая, крутились возле меня, выпрашивая еду.

– Благодарю, Рысь – прорычал я, поднял енота, понюхал его и отдал самому смелому щенку.

Всё-таки по всем повадкам это были звери из семейства псовых, а не кошачьих. И это вселяло в меня надежду. Меня переполняла надежда приручения Рыси и её детёнышей и связанные с этим перспективы. Но я не торопил события. К Рыси с ласками я не приставал. Щенята меня сторонились, но еду из рук уже брали. Однако перспективы радовали.

Глава 5.

Мы прошли, по моим прикидкам, половину пути, когда увидели тот правый приток, вверх по течению которого ушло другое племя. Приток вытекал из-за не очень высокой горной гряды, которая в месте слияния возвышалась тремя скалами метров по двадцать высотой, с небольшой относительно плоской «лысой» макушкой.

Три скалы напоминали трёх стоящих в полный рост рыцарей, держащих перед собой большие прямоугольные щиты. Это сравнение пришло мне на ум, когда мы проплыли мимо на плотах, и три богатыря встали во всей своей природной красе.

Сейчас мы подошли к этому месту снизу по течению со стороны противоположного левого берега, и природная красота этого места снова предстала издали. Настоящее искусство, как говорят, «не нюхают», а рассматривают издали. И издали было, да, красиво.

Я подумал, что именно здесь мы сможем переждать проход к морю сородичей, а может быть и остаться зимовать.

В этом месте река выходила на долину и разливалась. Нам надо было как-то переправиться на другой берег, а для этого – подняться чуть выше по реке и построить плот, что мы и сделали.

Вид на долину реки, открывшийся с площадки скалы, впечатлял. Я любил горы и вид на воду с высоты. Детишки мои тоже не жались в кустах, а смело стояли у обрыва, вдыхая, дующий со стороны моря, ветерок. Вдыхала воздух и Рысь, широко раздувая ноздри и вслушиваясь в запахи леса. Щенята жались к матери со стороны хвоста.

Я представил картину со стороны и усмехнулся. Наша с Рысью «дружба» незаметно крепла с каждым днём. Я откладывал ей и её щенятам пищу ежедневно, даже если их рядом и не было. А может, и были. Кто же их в зарослях разглядит?

И сейчас, явно поняв наше намерение переправиться, Рысь со щенятами убежали ещё выше по реке и, когда мы причалили к противоположному берегу, она вышла из кустов.

Подъем на скалу был относительно пологим и, к моему удивлению, на вершину вела неплохо утоптанная тропа. Мои детишки принюхались, и начали недовольно фыркать, учуяв чужаков.

Рысь тоже, прежде чем ступить, обнюхала тропу и посмотрела на меня.

– Чужой, – сказал я.

Рысь пренебрежительно фыркнула и побежала по тропе наверх. Я всё больше и больше замечал, что она читает мои мысли и ей не нужны мои слова.

На вершине мы обнаружили стойбище, или, я бы сказал, «городище»: почти квадратная площадка с выкопанной серединой и насыпанным по краям валом со вставленными в него цельными стволами деревьев.

Деревья, скорее всего, были подкопаны, подрублены и завалены наружу. И, судя по всему, деревьев когда-то здесь было много. На вал были уложены обломанные или обрубленные со стволов ветки, и получалось, что стволы деревьев возвышаются наружу ещё на высоту пять, восемь метров.

По стволам можно было забраться изнутри и что-нибудь в кого-нибудь кинуть. Пробраться снаружи в городище было не возможно, если чем-нибудь завалить узкий проход. Хотя, зачем «чем-нибудь»? По обеим сторонам прохода были заготовлены не очень толстые брёвна, которыми и перекрывался вход. Со стороны скалы деревьев не было, и открывался замечательный вид.

– Дом, – сказал я и сбросил с плеч лямки здорового и тяжелющего, но не промокаемого вещевого мешка, сшитого из четырёх «рыбьих» шкур, со швом, промазанным рыбьим клеем. Мне очень нравились наши мешки.

Наш поход подтвердил правильность сделанного мной выбора материала. Мы неоднократно переворачивались на плотах и мокли, но мешки доказали свою водонепроницаемость.

Что интересно, мешки были большие, и при необходимости, его можно было надеть на себя. Просто, рыбью кожу хорошо выделать у меня не получалось, но это и хорошо. Я как-то видел, какой падает сверху град, и подумал, что лучше вывалить всё из мешка и надеть его на себя, чем быть избитым градинами размером с кулак. Мешок периодически высыхал и превращался в толстостенный лёгкий, но прочный короб.

Всю рыбу мы обесшкуривали, и у нас скопилось много сырья для кожного производства.

Отправив детишек резвиться, отдыхать они не захотели, а сам завалился на спину. Мешок у меня был очень тяжёлым, а ремни не очень удачные.

Рысь подошла ко мне и прилегла рядом. Когда со мной были другие люди, она не позволяла себе щенячьи нежности, а вот в отсутствии оных...

Рысь подползла ко мне на животе и лизнула меня в плечо.

– Щекотно, – шутливо возмутился я, и перевернулся на бок, дотягиваясь рукой до её живота.

Рысь подползла почти в плотную ко мне, и тоже перевернулась на бок, подставляя под мою руку свежий, едва зарубцевавшийся шов. Я, слегка касаясь пальцами, погладил его, а «кошка» застонала от наслаждения.

Было дело, она пыталась чесать заживающую рану своими задними лапами, но когти разорвали «нити», и швы разошлись. Увидев кровь, я обрушился на Рысь с такой гневной тирадой, что она поджала уши и добровольно дала себя зашить снова.

После этого, едва увидев, что она садится в удобную позу, чтобы почесаться, я кричал на неё, подходил и нежно почёсывал шрам. В первый раз она попыталась меня куснуть, но получила от меня по морде ладошкой, чему сильно удивилась. Мы посмотрели друг другу в глаза и поняли друг друга.

Сейчас Рысь лежала, постанывая и плотно закрыв глаза, как стыдливая девушка. Я усмеялся своим скабрёзным мыслям, отгоняя прочь видения нимф.

– Хватит тебе, нимфоманка! – Сказал я и ткнул её легонько в морду.

Рысь открыла влюблённые глаза и лизнула меня прямо в лицо. Я потрепал её по лбу, она лизнула мне ладонь, и я поднялся на ноги.

– Надо осмотреться, – сказал я.

Обойдя «городище» я больше всего внимания уделил скалам и, оказалось, что не зря.

Скалы стояли углом. Между средней скалой и правой я нашёл расщелину с тропой к воде, а спустившись по ней метров на десять, я обнаружил хороших размеров пещеру, явно доработанную вручную.

В ней мы тоже обнаружили следы человеческой цивилизации в виде сухих экскрементов и обглоданных когда-то давно костей. Чистотой аборигены не заморачивались.

На удивление, Рысь тоже легко прошла по крутой скалистой тропинке и сейчас фыркала, и чихала, обнюхивая человеческое логово.

– Хорошая пещера, – сказал я.

Рысь недовольно фыркнула.

– Да ладно тебе! Не нравится, живи снаружи. Всё равно сюда приползёшь, когда мокро будет.

Рысь снова фыркнула.

– А мне нравится. И до воды не далеко. Пошли посмотрим.

Я спустился прямо воде, а Рысь остановилась на широкой, явно рукотворной, площадке метрах в двух от реки.

– И это в безводье, – задумчиво поскрёб бороду я. – Понятно.

Спустившись по ступенькам ещё ниже, погрузившись в самую реку, я похлебал с ладони водицы и поднялся наверх.

Щенки скулили. Детишки пекли рыбу и варили компот из сухофруктов. Фрукты-ягоды мы собирали не только специально, но и мимоходом, и на привалах вялили в тенёчке. И поэтому постоянно были с фруктово-лиственным взваром.

За поход я определил несколько приятных на вкус травок, которые с удовольствием добавлял в заварку.

Взяв на себя готовку, я погнал детишек в пещеру прибраться, четко показав, что надо сделать, а именно – зачистить самое свежее гуано. Окаменевшее решили не трогать. Да и костей там, оказалось, лежало много слоёв.

Рысь тоже времени даром не теряла и начала рыть себе под корнем большого дерева нору. Потом отошла в сторону, предоставив продолжать рытьё норы щенкам, и под села ко мне.

Я сидел у костра на камне, а рядом со мной пристроилась то ли собака, то ли кот. Запустив пятерню в короткий подшёрсток между её лопаток, я стал сжимать и разжимать пальцы, стягивая и отпуская кожу. Рысь вытянулась и замурчала.

– Ну и кто ты после этого? – Спросил я, похлопав её по спине. – Пёсокот или котопёс?

Закат осветил розовым плывущие перед нами облака. Смеркалось.

Эту ночь мы спали под звёздным небом. Я, как обычно, на кожаном коврикe прижавшись к спине Рыси. Её щенята между лап матери со стороны живота, иногда почмокивая по привычке пустыми сосками. Детишки спали на шкуре птицы Рух.

Я проснулся от храпа.

– Ну, у тебя и храп, – сказал я недовольно, но понял, что храпит не Рысь, а один из её щенят. – Это ещё что за новости? – Сказал я, и уснул снова.

Утром я поймал «храпуна» и осмотрел его. Я ошибся с первым предположением о возрасте щенков. Им было не больше года. А кормить мать их перестала, потому что у неё пропало молоко от воспаления после ранения.

Мы им оказались, как спасение, потому что у нас оставалась еда, сваренная, или прожаренная, то есть прошедшая первичное разрушение белка. И мамаша это поняла.

У храпуна морда была короче, чем у собратьев и носопырка слегка задиралась вверх.

–Этого мне ещё не хватало.

Я терпеть не мог карликовых бульдогов именно за эту «характерную» особенность. Но что ж теперь делать? Не топить же его?

– Вот тебе и имя «придумалось», – сказал я. – Будешь теперь называться Храп.

Двум другим я уже имена придумал. Один был Друг, он первый перестал бояться меня, другой был Брат. Он никогда не отходил от первого. Третий стал Храпом. Причём, я так и не мог понять, кто из них девочка, а кто – мальчик. Мне было по барабану.

Я предполагал, что племя, пришедшее по притоку, попытается здесь хотя бы переночевать, и что нам придётся выдержать осаду. Я полагал, что племя вряд ли задержится на долго, но подготовиться надо было.

Срок занялся заготовкой галечника для метания из пращи, а Игра сбором мидий. Я пошил несколько сумок для зарядов и наполнил их отборными камнями, потом выкопал несколько небольших ям и заполнил голышами и их.

Выполнив программу минимум я принялся за программу максимум, а именно, за изготовление стрел и метательных ножей из меди.

Мидии мы сложили в плетёные из расщеплённого бамбука корзины и притопили их под скалой.

Чтобы ненароком не запустить нежданных гостей в дом, мы забаррикадировали проход и занялись обустройством пещеры. Скалы из сланца относительно легко ломались, и мы наколотили много тонких плит.

На полу пещеры из камней, вперемешку с глиной, выложили перегородки тягового и дымных каналов. Затем уложили на них плоские плиты сланца, а плиты покрыли толстым слоем глины. Очагов выстроили два: наружный и внутренний, а для этого сильно расширили площадку перед входом в пещеру.

На всё это благоустройство нам понадобился месяц.

Рысь тоже выкопала себе глубокую нору. Я залазил в неё. Очень приличное жилище получилось. Даже я бы там жил.

Как-то к закату мы увидели наше племя, проходящее по противоположному берегу реки. На него мне указала Рысь. Она сделала «стойку» и зарычала. Я посмотрел в сторону её взгляда и увидел медленно бредущих по берегу реки людей.

Мне почему-то подумалось, что племя могло бы никуда не уходить, а перезимовать и об этом знает вожак, но, как настоящий командир, вожак знает и то, что подчинённые не должны получать свободу выбора и понимания того, что могут выжить самостоятельно. Они должны зависеть от командира. Или, по крайней мере, у них должно возникнуть и не пропадать ощущение, что они зависят от командира.

Ведь на самом деле, это не вождь кормит народ племени, а народ кормит вождя. Однако так как вождь отбирает и распределяет добычу, то от него зависят все. Я стал опасен для вожака именно потому, что начал сам распределять еду, и сбежал совершенно вовремя, так как мог получить по голове дубиной в любой момент.

Игра и Срок замерли, увидев племя, и заскулили, пытаясь окликнуть сородичей. Игра заметалась по площадке, Срок испустил призывный клич, но я рыкнул, и они затихли.

Игра прижалась ко мне, вцепившись обеими руками в мою правую руку. Я погладил её по голове.

– Дом, – сказал я и обвёл рукой гору.

– Дом, – сказала Игра и сильнее прижалась ко мне.

– Дом, – гордо повторил Срок и сплюнул вниз со скалы.

Он научился здорово плевать. И не помню, чтобы я его учил.

– Продолжим, – сказал я, и мы продолжили.

Мы целыми днями тренировались в стрельбе из луков и работе с пращей.

Во время нашего путешествия к морю и обратно, я нашёл несколько крепких гибких деревьев, в том числе и клён, ветки которых я поколол вдоль, и понаделал из них на привалах заготовок для луков.

Я в детстве увлекался конструированием луков, поэтому продолжил реализовывать свои давние задумки. Луки и стрелы с оперением научил меня делать дед, живший в деревне. А вот с тетивой мне пришлось экспериментировать здесь самостоятельно.

Тетива из волоса, похожего на конский, была очень неплоха, но легко намокала, что меня удивило, в отличие от тетивы из кишок наших кистеперых рыб и небольшого китообразного существа, найденного нами на берегу моря.

Я заготовил около десятка штук тетивы для лука. У каждой были сделаны петли, а к ним привязаны дополнительные кожаные петельки, чтобы сама тетива не изнашивалась от трения.

Составные луки, собранные и склеенные из заготовок, получились и изящнее, и жёстче. Для просушки изделия требовалось около месяца. Причём, из одних и тех же заготовок мог получиться и большой лук, и малый. Смотря какие составные части использовать.

И всё же рыбий клей для изготовления луков мне не понравился. Он не давал звонкой жёсткости. В детстве я клеил луки костным клеем. Надо было как-то научиться делать его, но как он делается, я не знал. Скорее всего, надо варить костную муку, но времени на это уже не было.

Стрелы делали из ореха. Его здесь было в избытке, даже вокруг городища. Тонкие прямые ветви легко обрабатывались, выравнивались и при обжиге становились крепкими и упругими.

Я предпочитал натяжение тетивы кольцом, надетым на большой палец, как делали кочевники. Стрела укладывалась в лук справа, и на пальцы нагрузка была минимальна. Стрельба получалась быстрее и безопаснее.

Ожидание «пришествия аборигенов» меня утомило, и я пошёл на разведку.

Кроме цилиндрического колчана с луком и стрелами у меня было большое копье с медным наконечником и дубина с медным пупырчатым шишаком. Дубина висела на левом плече на кожаной петле и придерживалась за набалдашник ладонью. Копье, с заправленным наконечником, лежало на правом плече.

А ещё со мной была Рысь. Она шла по тропе, впереди, а щенята сзади меня.

– Пошли погуляем, – сказал я Рыси, выходя утром из городища.

По своему опыту я знал, что выходить надо с утра и приходить к месту ночёвки до захода. Я предполагал встретиться с противником в районе полудня, этого, или какого-нибудь другого дня. Примерно так и вышло.

Рысь со своей очередной вылазки вперёд вернулась с вздыбленной шерстью на загривке. Пробежав по тропе мимо меня, она исчезла в зарослях леса, а через мгновение из кустов выбежало сразу несколько взрослых мужиков, вооружённых не только дубинами, но и копьями с бронзовыми наконечниками.

Я точно понял, что это даже не медь, а бронза, так как успел разглядеть промелькнувший мимо моего живота конец копья.

Я «на автомате» втянул живот и провернул тело вокруг своей вертикальной оси, когда первый дикарь ткнул в меня копьём. Но проводить взглядом наконечник я успел.

Второй злодей, не раздумывая, крутанул дубинку вокруг ладони и треснул меня навершием по голове.

* * *

Я пришёл в себя от частых ударов по голове, и сначала не понял, что происходит. Перед глазами проплывали перевёрнутые под разными углами кусты, деревья и трава. Не сразу поняв, что меня волокут за ноги, и я отсчитываю неровности тропы головой, я постарался уберечь её от соприкосновения с землёй, согнув шею.

Ноги мои были связаны верёвкой, конец которой торчал из руки впереди идущего дикаря. Он периодически продёргивал верёвку вперёд, и моё тело сильнее подпрыгивало на ухабах.

– Эй! – Крикнул я. – Дайте я сам пойду!

Впереди идущий вздрогнул и остановился как вкопанный. Меня ударили по голове. Вероятно ногой. В голове загудело.

– Чёрт! – Выругался я. – Осторожнее!

– Смотри-ка, – услышал я. – Он ещё и разговаривает. Ты понял, что он сказал? Эй, Ларг! Иди сюда! Чужак очнулся и что-то рычит!

Речь кричавшего звучала сносно, и понятно для меня. Сказать, что я был удивлён? Я был в шоке. Я вспомнил про копья с бронзовыми наконечниками и снова заволновался. Мысли метались. Я умудрился сесть и подтянуть под себя, связанные восьмёркой, как у стреноженных лошадей, ноги.

– Что я вам сделал?! За что вы меня?! – Стал «наезжать» я.

Вокруг меня стала собираться толпа. Вперёд вышел самый крупный дикарь.

– Ты кто такой?! – Спросил он.

– А ты кто такой?! – Спросил я.

– Я Ларг, и это моя земля. А ты кто?

– Я Урф из земли Хрымара.

– Люди Хрымара не говорят.

Я только сейчас понял, что он говорит на каком-то своём, рычащем языке. И я, уловив его речь, перестроился на такой же.

– Я говорю, – прорычал я.

– Ты не должен ходить по моей земле! – Рыкнул Ларг. – Чужакам смерть. Как ты здесь оказался? Хрымар и его люди уже должны пройти к большой воде.

– Я отстал. Меня смыла Мара, и я оказался на твоей земле, – соврал я.

Вождь смотрел на меня, хмурясь. Потом он протянул руку кому-то за спину и снял с его плеча колчан с луком и стрелами.

Вот ведь.... Я так и не успел им воспользоваться. Воин, млять.

– Откуда это у тебя?

– Сам сделал! – С некоторой обидой и с вызовом сказал я.

– Люди Хрымара не могут делать луки. Даже мы не можем их делать.

– Я могу!

– Но ты – из племени Хрымара, а у него лука нет.

– А у меня есть, поэтому я от него ушёл.

– Ушёл из племени?! – Удивился Ларг. – А, ты больной?

Ларг сказал слово, имеющее больше, чем одно значение. Более близким из них было – ненормальный.

– Да, – просто согласился я.

– И ты, наверное, хочешь стать здесь и не идти к большой воде? – Усмехнулся Ларг.

– Да, – снова согласился я.

Я хотел добавить, что уже зимовал один, но передумал. Зачем кому-то об этом знать?

– Развяжите этого ненормального, – приказал Ларг.

– Лук отдашь? – Спросил я.

– Нет, – просто ответил Ларг, и зашагал вперёд по тропе, пройдя расступившихся соплеменников, как нож масло, даже не обратив на них внимания.

Меня развязали так ловко, что я даже не заметил, как. Я только заметил, что толстые и большие пальцы конвоира «бегали» быстро и верно. Они потянули несколько петель, и путы опали. Я снова «охренел».

Мои пальцы всё ещё сопротивлялись мне, несмотря на год тренировки. Хорошо развитая моторика, – это хорошо развитое полушарие, отвечающее за речь. Я не помнил, какое, да и пофиг.

Мой конвойный теперь шёл за мной, а я шёл за группой приближённых к вождю мужиков.

Я теперь понял, почему у меня не повернулся язык сразу назвать их дикарями. На многих была одежда. Штанов, конечно, не было, но что-то типа платьев или длинных кожаных курток надето было на многих. В том числе и на моём конвойном.

Я словно попал в будущее на несколько тысячелетий вперёд. Это называется, – культурный шок, вспомнил я.

Мы шли до сумерек и свернули к реке, пройдя по незамеченной мной тропке. Основная дорога к реке не подходила.

Здесь я смог сосчитать племя Ларга. В нём было тридцать взрослых особей, разного пол, около десятка молодых, остальные – дети разного возраста. В платьях различить их всех по половым признакам было проблематично.

Сумка с моими припасами перекочевала от носильщика к вождю, и он с упоением в ней копался, пожирая мои съестные припасы. А там было, чему порадоваться: и мясо разное солёное и вяленое, корешки и потат, который и в сыром виде был очень даже не плох.

– Мне-то что есть?! – С тоской крикнул я, видя, как исчезают мои продукты, и получил тычок остриём копья в бок. Очень соразмеренный тычок, надо признаться.

– Вот сука! – Сказал я, и снова получил укол копья, но уже в ягодицу.

* * *

Переночевал я на голодный желудок, чего ещё ни разу в этом мире не было. К реке меня подпустили лишь напиться. Заснуть долго не получалось, и я лежал и думал, что будет дальше? Я корил себя за нетерпеливость и переживал за моих детушек.

Эти дикари совсем не были дикарями. Я с удивлением замечал существенные отличия от моего племени каждого, и взрослого, и ребёнка: порядок, самоорганизация. Они даже разожгли костры! С помощью чего они это сделали, я не видел. Приближенные к вождю сомкнулись вокруг старого кострища, и вскоре там затрепетало сначала скромное, а потом яркое пламя.

С рассветом мы тронулись в путь. До городища оставался один переход, это что-то около трёх часов, когда ко мне подошёл Ларг.

– Если ты шёл нам на встречу, значит ты хотел встретиться? – Почти утверждающе спросил он.

– В общем-то, да, – почти не соврал я.

Не стану же я говорить ему, что рассчитывал незаметно узнать численность его племени, чтобы достойно ему противостоять. А может быть и нанести ему некоторый предварительный урон, обстреляв из лука.

– Ты говоришь, что можешь сделать лук. Сделаешь мне несколько?

– Это долго, – сказал я. – Нужны внутренности животного, которое живёт в большой воде, для струны, и особое дерево, которое надо правильно выдержать на огне.

Ларг удивлённо вскинул брови и на его лице проявился «ход мысли».

– Ты был у большой воды?

– Конечно, был. Вместе с Хрымаром, – почти не соврал я.

– И ты знаком с огнём? – Продолжал удивляться он. – У большой воды никто не знает огонь.

Он сказал другое слово, имеющее ещё и значение – любит.

– Я знаю огонь. Хрымар не знает.

– Хрымар знает, – поправил он меня, – но не делает.

Теперь удивился я.

– Зачем ты шёл ко мне? – Спросил Ларг. – Если ты знаешь огонь, тогда ты можешь выжить один. И ты можешь его делать?

– Я знаю, – сказал я. – И могу.

– Как ты делаешь огонь?

Я не знал, как мне быть. Нужен ли я кому-нибудь со своим знанием? Или опасен? Сейчас мне нужно было как-то выжить здесь и сейчас. Хоть мы и разговаривали один на один, но вокруг, стояли взрослые воины с копьями. Да и Ларг был не подарок. С ним я точно не справился бы. Я был полностью в его руках, и зачем я ему со своими знаниями?

– Я шёл к тебе, Ларг, потому что Хрымару не нравилось, что я добываю для племени много еды и делаю новое оружие. Я тебе сделаю много луков. Возьми меня в племя.

Ларг ожидал что-то подобное от меня и удивление не высказал.

– Ты же хотел жить один?

– Я могу остаться здесь и делать луки. Когда ты придёшь, луки будут готовы.

– А где ты возьмёшь струну?

– Я вспомнил про речных рыб. У них похожие внутренности.

– Я услышал тебя.

Конечно, запас слов у Ларга не был большим, но мой мозг выдавал мне разное значение одинаковых слов. Очень влияла тональность и эмоциональная окраска фразы.

Ларг снова возглавил отряд и вскоре мы подошли к подъёму, ведущему к городищу.

* * *

Срок и Игра смотрели на Рысь и не знали, что думать и что делать. Когда она прибежала вчера одна и зарычала, прося пропустить её за изгородь, они сразу поняли, что с их другом и братом случилась беда. Возможно, они вообще остались одни.

Проведя бессонную ночь и большую часть дня в состоянии приближающегося к паническому, они, не сговариваясь, натянули струны на новые луки и встали на стену.

На самом деле сигналом для этого прозвучало утробное рычание Рыси, но они этого не поняли. И не заметили, как Рысь исчезла в своей норе.

Первых врагов, как называл, их Урф, Игра увидела в лучах заходящего солнца, которое било ей прямо в глаза.

– Враг, – сказала она и не раздумывая выдернула из колчана стрелу и запустила её в переднего воина.

Срок, дежуривший на правом крыле стены, услышал её выкрик и, развернувшись чуть левее, выпустил стрелу во второго. Сразу тренькнул второй выстрел Игры, а следом третий. Срок не отставал.

* * *

Я с опаской приближался к городищу и вдруг услышал то, чего боялся и, одновременно, ждал, – вскрики идущих впереди меня воинов Ларга.

Скосив взгляд назад, я увидел, что мой конвоир поднял острие копья вверх и с тревогой смотрит вперёд. Я сделал полшага назад и в сторону, и на задней ноге провернулся вокруг своей вертикальной оси, мгновенно оказавшись у конвоира за спиной. Мой правый локоть вошёл в соприкосновение с его затылком, а левое предплечье обхватило его за шею.

Я ударил его правой ступнёй под правое колено и резко опрокинул конвоира на спину. Перехватив копьё правой рукой, я развернул его остриём вниз и приколол тело к земле.

Бронзовый наконечник легко проколол кожаную куртку и сломал несколько грудинных костей.

Не останавливаясь, я продолжил круговое движение и, выдернув копьё из тела, описал им полукруг. Воздух вздрогнул и тут же вскрикнул второй конвойный, расплосованный по животу на две половинки. Наконечник копья, длиной около тридцати сантиметров, рассёк тело на всю свою глубину.

Отскочив от заваливающегося в мою сторону тело в сторону, я спрятался за дерево от удара копья следующего противника. Копьём били наотмашь, как дубиной, и, встретившись с деревом, оно издало характерный треск, лопнув сантиметрах в тридцати у острия.

Схватив, грустно повисший кончик копья, я крутанул его, сворачивая волокна в месте разлома, и резко дёрнул. В руках у меня оказался практически меч с деревянной рукоятью.

Им я воспользовался практически сразу, отбив очередное копьё, пытавшееся приколоть меня к дереву.

Отбив копьё мечом, я перенаправил его остриё в землю и выбил его из рук противника, ударив по копьё нормальным таким «лоукиком» с правой ноги.

Противник, потеряв равновесие, последовал за копьём, упал на землю на руки и, мгновенно оттолкнувшись всеми четырьмя конечностями, подпрыгнул и напоролся на жало моего копья, уже нависшего над ним как кобра.

Противники вдруг закончились. Люди ещё были. Противников не было.

Соплеменники Ларга, имеющие оружие, стояли, разинув рты, не знающие, что им делать со своими копьями и дубинами.

– Ну, кто ещё хочет потрогать комиссарское тело?! – Спросил я. – Ты?

Я шагнул вперёд. Ближайший ко мне мужик попятился и, наколовшись задом на выставленное кем-то копьё, вскрикнул, подпрыгнул и понёсся назад по только что пройденной ими дороге.

– Или ты?!

Я шагнул к другому. Теперь уже вся толпа, вместе с бабами и детьми понеслась вниз по склону, не разбирая, где тропа, а где заросли.

Обернувшись назад, я не увидел стоящих противников. Кто-то ещё был жив, но легко раненых я не наблюдал. Стрелы, в основном, торчали из живота, груди, из шеи, или из головы.

Не подходя близко, я добил раненых своим копьём, в том числе и Ларга.

Подойдя к нему и увидев, что стрела торчит из его шеи, я сказал:

– Ты не успел. Мне жаль.

Я был почти искренен. Я не ожидал, что сложится именно так.

– Эй, вы, там! – Крикнул я по-русски. – Встречайте папочку.

– Урф! – Заорали в два голоса детишки.

Я замахал руками, разглядев их на «стенах» городища. И тут я увидел невнятный силуэт в наваленном под насыпью сухостое. Разглядев кошачьи глаза, я понял, что это Рысь.

– А..... Трусиха! В засаде сидишь, или драпать собралась? – Спросил я. – И тебе не стыдно?

Рысь вылезла из завала и, стыдливо опустив голову и прижав уши, подошла ко мне.

– Эх ты, – сказал я и получил удар стрелы в спину.

Глава 6.

Я умирал долго и мучительно. Потеряв сознание от болевого шока, я провалился в огненную пустоту ярко красного туннеля и летел в ней, бестелесный и одинокий. Мне было так жаль себя, что я рыдал, изливая слёзы из несуществующих глаз.

Тела не было, но боль была повсюду. Я сам был пламенем и сам себя сжигал.

Мой полёт то прекращался, то возобновлялся. Меня, то несло вперёд, то кружило по сложной спирали и вокруг центра моего сознания. Это продолжалось бесконечно долго.

Нет тела – нет времени, и для меня в боли проходила вечность за вечностью. Боль становилась моей сущностью, моей оболочкой, и, наконец, моим телом. Боль сомкнулась вокруг меня и стала только моей. Внешний жар отступил и мне сразу стало легче и появились мысли. Вернее, не мысли, а образы.

Образы складывались из всплесков пламени, кипевшем в оболочке боли и пытавшемся вырваться наружу, разгореться и сжечь всё вокруг.

А что вокруг? – Мелькнула настоящая мысль.

И боль накинута на эту мысль и порвала её на триллион кусочков. Теперь эта простая мысль существовала, но была везде, как атомы, заполнившего моё пространство вещества.

Что вокруг, что вокруг, что вокруг... Боль пульсировала, выбрасывая фонтаны огня.

– Это сердце, – подумал я.

Да, я почувствовал, что у меня где-то есть сердце. Где-то в центре меня. В центре боли. И я увидел его. Увидел огромный красный бутон цветка, медленно раскрывавший свои лепестки. Очень медленно. Бесконечно медленно.

* * *

Я валялся в пещере до первого снега.

Стрела пробила левую лопатку. Слишком хороший лук я сделал. И хорошие стрелы с тонкими шилообразными наконечниками. Судя по всему, лёгкое пробито не было. Рука стрелявшего не смогла достаточно растянуть тугую струну.

Даже после того как я очнулся, лихорадило и трясло меня долго. И это было мучительней, чем в беспамятстве. Озноб скручивал и корёжил тело. Это выматывало. Болезнь обессилила меня и высушила.

Левая рука потеряла мышечную массу, и когда я попытался, с её помощью, взобраться по ступенькам на верхнюю площадку городища, я едва не свалился в замерзающую реку, покрытую тонким ледком.

Поднявшись на верхнюю площадку лестницы, я выглянул наверх и удивился тому, что увидел. В городище жили люди. Я насчитал восемь больших «вигвамов» и около двадцати человек разного возраста, в основном женщин, детей и стариков.

– Ты куда вылез! – Вскричала, увидев меня, Игра.

Она сидела на бревне у одного из костров и плела, вместе с ещё одной девушкой, сеть. За их спинами был установлен «экран» из сшитых «рыбьих» шкур, висевших на наклонно установленных шестах. С помощью такого экрана тепло костра отражалось и согревало лучше.

Рядом на жердях висели «нити» для сети – вяленные, опять же «рыбьи», кишки, скрученные по трое. Нити из них получались очень прочные и эластичные.

Я вспомнил, что так и не доучил Игру плести сети, но, увидев лежащую у их ног ячеистую грудку, радостно рассмеялся.

Увидев моё смеющееся лицо, Игра вскочила и радостно закричала:

– Срок, Урф вышел из пещеры.

Я посмотрел в сторону её взгляда и увидел Срока, разделявавшего с помощью кольев ствол дерева на тонкие доски и брусья. С ним рядом работало ещё трое крепких мужиков среднего возраста.

Срок бросил работу, подбежал ко мне и вытянул меня из расщелины, помогая выбраться на площадку городища.

Подшли и трое его «подельников». Они остановились чуть поодаль и с интересом, но с опаской, смотрели на меня. Я вынужденно, хоть и с трудом, расправил плечи и выпрямил спину.

– Это Грап, Брас и Дук. Они помогали нам с Игрой за тобой ухаживать. Ну и силён ты, брат! – Восхитился Срок. – Мы все вместе с трудом удерживали тебя. Ты был горячий, как огонь, и сильный, как стадо кабанов. Они до сих пор боятся тебя.

Я обвел мужиков взглядом. Трое потупили взгляды.

– Я не грозный, если меня слушаться. Ты же знаешь, – сказал я. – Что они тут делают?

Я указал рукой на суетящийся в работе народ и движение резко прекратилось. Все встали как вкопанные. Как услышали меня на самом дальнем конце городища, я не знаю. Я ведь не говорил громко.

– Ну что ты, Урф?! – плаксиво заныла Игра.

Она тоже встала с бревна и шла мне на встречу.

– Зачем ты так, Урф?! – Грубовато спросил Срок.

– Что они тут делают? – Переспросил я, повышая голос.

Тишина обступила меня, как до этого обступала боль. Тишина расширялась и уплотнялась.

– Кхе-кхе! – Раздалось у меня за спиной.

Я медленно обернулся.

У крайнего слева «вигвама» у костра стоял, а ранее, вероятно сидел, пожилой, даже можно сказать, старый мужик громадного роста с бронзовыми щипцами руке.

Я понял, что перед ним не костёр, а примитивный плавильный горн слепленный из глины. От неожиданности я шагнул в его сторону, но Срок схватил меня за руку.

– Не убивай его, Урф, – попросил Срок.

Я, недоумевающе посмотрел на брата.

– Зачем мне его убивать? – Спросил я. – Я спросил, «что они тут делают»?.

– Кхе-кхе! – Откашлялся «дед». – Мы попросились к вам жить и ждали твоего выздоровления.

Он снова откашлялся.

– Ты слишком долго не мог говорить, а сейчас нам некуда идти. Если ты нас выгонишь, мы все умрём.

Старик обвел рукой женщин и детей.

– Мы готовы подчиняться тебе. Не гони нас. Твои дети знают, как добыть огонь. Наши старшие покинули нас, а многих ты убил. Сами мы не выживем. Мы будем охотиться для тебя.

– Я сам могу охотиться для себя.

– Сейчас да, – как-то странно усмехнувшись, сказал старик.

– Это его травы дали тебе жизнь, – сказала Игра, тихо подойдя ко мне и обняв меня сбоку. – Ты убил двоих крепких воинов, пытавшихся удержать тебя, чтобы он обработал твою рану.

– Это были хорошие воины, – вздохнув, сказал дед.

Услышав, что сказала Игра, я как-то сразу обмяк и силы меня покинули. Срок и кто-то из его троицы подхватили меня и подвели к бревну, на котором раньше сидел старик.

Мысли исчезли и меня заполнила боль. От неожиданности я застонал, но потом вспомнил, что я и есть боль, и забыл про неё.

– Пусть остаются, – сказал я, и посмотрел на стоявшего предо мной старика. – У нас здесь не гадят. И все слушаются меня. Наказание одно. Знаешь, какое?

– Знаю, – вздохнул дед. – Я видел тебя в бою. И больше не хочу. Я знаю огонь и знаю, что он живёт в тебе. А с огнём лучше не спорить.

– Да, во мне живёт огонь. Я его видел, – подтвердил я.

– Во мне тоже живёт огонь, но другой.

– Потом поговорим об этом, дед.

Мужик удивлённо вскинул брови.

– Меня зовут Дедал. Откуда знаешь моё имя?

Я усмехнулся случайному совпадению.

– Огонь сказал.

Дедал склонил предо мной голову.

– Живите, – сказал я громко и махнул рукой.

Игра запрыгала вокруг меня, радостно хлопая в ладоши.

– «Как они быстро очеловечиваются. Передача стадного поведения и опыта» – вспомнил я. – «Это пойдёт им на пользу».

– Можно я тут прилягу? – Попросил я.

Грап, Брас и Дук быстро наносили под «тепловой щит» еловых веток и накрыли их шкурами. Я удивился их количеству и лёг на них, уставив взгляд в небо. По небу плыли облака. Тревога не покидала меня. Я не ощущал в себе лидерских качеств и не был готов к управлению племенем.

Но потом мои мысли переключились на увиденных мной женщин и скрытые под примитивной одеждой округлые формы. Воображение разыгралось, и я перевернулся на бок, дабы не смущать окружающих воспрянувшей плотью. Хотя... Чего это я? Это же по здешним понятиям, естественный сигнал самкам. И я вызывающе лёг на спину, распахнув полы куртки.

* * *

– Когда в тебя попала стрела и ты упал, – рассказывала Игра, – из леса выскочили оставшиеся в живых воины Ларга и сначала стали тебя пинать, а потом потащили в заросли, так как я успела двоих ранить стрелами. Увидев это, я спрыгнула вниз и побежала к тебе. Срок тоже спрыгнул и побежал. Но когда я подбежала, ты вдруг вскочил и стал убивать всех, кто к тебе приближался. Когда ты убил всех врагов, и я попыталась приблизиться к тебе, ты чуть не убил меня. Я вовремя отпрыгнула. Срок даже не стал к тебе приближаться.

– У тебя был такой взгляд, что...

– Потом ты упал и мы попытались оттащить тебя за ограду. Но вход был завален изнутри. Если бы не Рысь... Она появилась, и мы затащили тебя через её нору.

– А потом, когда село солнце, мы услышали вой и рёв. Это выли эти люди.

Срок показал на потолок пещеры.

– Выли и ревели звери, которые пришли пожрать трупы, – сказал Срок. – Трупоеды.

– И тут выскочила из норы Рысь и разогнала их.

– Она отогнала трупоедов от людей и охраняла их пока не встало солнце.

Детишки перебивали друг-друга, как бы продолжая оправдываться. Я улыбался, но они этого не видели. Свет огня в очаге был слаб. Я же был удовлетворён, впервые за год пребывания в этом мире выбросив своё перезревшее семя по назначению, а посему находился в расслабленном и благодушном состоянии. Я дремал.

* * *

– Эти шкуры – очень нужное приспособление, – сказал Дедал. – У нас такого не делали. Можно поставить и с других сторон. Как ты их называешь?

– Стена. Можно их делать переносные, вот так...

И я начертил на земле прутиком шалаш с треугольной вершиной и с одной, незакрытой шкурой, стороной. Его наклонные стороны снизу были скреплены горизонтальной перекладиной.

– Зачем? – Удивился старик. – Мы собираемся куда-то уходить? Теперь это наша земля и вода.

– Уходить мы будем, но будем и возвращаться. Они не для этого. Ими можно огораживать огонь, когда вокруг него собирается много людей.

Старик пожал плечами.

– Надо добыть мягкие камни и сварить из них ножи и маленькие копья.

Старик показал на стрелы.

– Это стрелы, – сказал я. – Где вы берёте мягкие камни?

– Там, – Дедал махнул рукой вверх по течению их реки. И повторил: – Там много.

– Покажи мне.

Дедал полез в свой вигвам и вынес два камня. Один я знал. Это была самородная медь. Другой «камень» был для меня не знаком. Серо-синие кристаллы, похоже, что шестигранные, срослись в единый комок.

– Что это? – Спросил я. – Этот я видел, а этот нет.

– Если сварить в огне только этот, – старик показал медный самородок, – получится мягкий... Э-э-э...

– Металл, – сказал я.

– Металл?

– Камень, который можно мять, – это металл.

– Пусть будет. И этот, – он показал на кристаллы, – мягкий. А если сварить вместе – получится твёрдый и крепкий. Сам не знаю почему так. Я давно варю... Э-э-э... Металлы. И мну их, эти хитрые камни. Другие камни – простые, в огне не текут, а эти хитрые. Я их так и зову.

– Текут все камни. Огонь только разный нужен.

– Ты видел, как текут камни?! – Удивился Дедал. – Мне рассказывал давно один бело-волосый немощный брат, а ему другой, как текут огненные камни.

– Я не видел. Слышал от стариков.

Я догадывался, что спаянные вместе кристаллы, – это, вероятно, олово. Когда-то в институте мы изучали материаловедение, но я не глубоко вникал в него. Помнил только, что бронзы, – это не только сплав меди с оловом, но и с другими металлами и даже с кварцем.

– А это что? – Спросил я показывая Дедалу чёрный камень, взятый нами из сумки одного из убитых.

– Этот камень растирают в порошок и с его помощью появляется огонь. Но я не знаю, как, – развёл руками кузнец.

«Зато я знаю», – подумал я. – «Это, скорее всего, оксид марганца». Его порошок добавляли древние люди в розжиг и температура возгорания снижалась. Это при розжиге трением.

Теперь я знал, из чего мы будем лить бронзу. Сплав меди с марганцем давал отличную бронзу с неплохой ковкостью. Надо будет только правильно её состарить. Я обратил внимание, что Дедаловская бронза мягковата. Наконечники копий гнулись. Ну да ничего.

Памятуя о снежной зиме и возможном сильном ветре на возвышенности. Я помнил, как мело вдоль реки и какие наметало сугробы. Расщелину, ведущую к пещере и реке, заметёт – однозначно, но мои детишки и новые работники пробили из пещеры окно, выходящее на реку. Сланец – мягкая порода и бронзовыми инструментами рубился легко.

Заодно они расширили пещеру и сейчас, при необходимости, там можно было собраться всем людям моего племени не теснясь. Как говорится: «нет худа без добра». Мы слегка «пого-

рячились» с обогревом пещеры и возникшее пространство без «тёплых полов» позволяло выбирать степень обогрева помещения. Хотя, самые морозы ещё впереди.

Моя придумка передвижных наклонных теплоотражающих экранов прижилась. Племя разбилось на мужскую и женскую половины. Мужики, или отдыхали после охоты, или точили заготовки для стрел, болтов и копий, насаживали наконечники. Общий трудовой порыв не давал долго разлёживаться на отдыхе. Особо ленивым, были и такие, просто совали в руку инструмент и тот вынужден был включаться в производственный процесс.

Мы с Дедалом собрали горн из туфового камня. Здесь и на ближайшей горе его валялось много. В горе я разглядел старый вулкан, решил немного покопать и нашёл серую бентонитовую глину.

Такие глины очень богаты алюминием и хороши для формовки. Правда, не жаропрочные. Плавятся они, если мне не изменяла память, градусов на тысяча двухстах, а медь с оловом надо доводить до тысячи ста. Но как почувствовать предел? Для тигля нужна была жаропрочная глина. Однако, если добавлять оксид марганца, температура плавки должна снизиться.

Из туфа мы выбили что-то подобие матрёшки. Нижняя ёмкость имела «г» образную кромку на которую надевалась верхняя часть – «голова». В «голове» имелось отверстие в виде крышки. И в нижней части имелось отверстие, через которое можно было выливать расплав, повернув печь на горизонтальном шарнире с помощью рычагов. Но мы собирались плавить руду в тигле, поэтому нужна была снимающаяся верхняя часть, чтобы вытащить тигель через верх.

Изнутри и снаружи печь обмазали глиной и потихоньку обожгли. Изнутри – потому что температура плавления туфа была приблизительно равна тысяча ста градусам. А снаружи, для того, чтобы туф не впитывал влагу. Слишком он гигроскопичен. В старом мире я интересовался туфом, потому, что он валялся у меня на даче в виде громадных валунов и я не знал, как их приспособить для «пользы дела».

Сначала я научил Дедала жечь древесный уголь.

Набив короткими чурочками зажжённую печь, я подвёл балку деревянного «крана» с висящей на нём крышкой и закрыл печь, потом замазал щели глиной. Через три дня я вскрыл печь и пересыпал уголь в глиняную емкость, которую мы накрыли крышкой и оставили остывать. При пересыпании уголь вспыхнул, но печь на шарнире поворачивалась легко и быстро, а ёмкость для готовой продукции была утоплена в земле.

За трое суток уголь остыл, мы освободили «тару» и загрузили следующей партией раскалённого угля.

Удобно было то, что в разогретой печи оставались угли, и засыпанная в печь древесина сразу вступала в процесс пиролиза. Да, я вспомнил это слово.

Встала река. Я отправил Срока с Грапом и тремя мужиками за медью. Я напомнил Сроку про зелёный утёс, встреченный нами на сплаве, возле которого валялось много самородной меди, руды и малахита – продукта её выветривания.

По моим расчётам до медной горы оставался один суточный переход. Вырытые летом не далеко от утёса пещеры послужат Сроку перевалочной базой. Парень набрался у меня навыков строительства жилища и добывания огня, и я не переживал за него.

Браса и Дука я отправил вверх по их реке за марганцевой рудой. Они знали где сложены Ларгом её запасы. Им будет сложнее, но обе экспедиции были обеспечены тёплой одеждой и транспортом, в виде лёгких саней с квадратным парусом.

Ветра в предгорье дули знатные и грех было не воспользоваться ими. Рулили сани корабельным рулём, окантованным медной полосой.

Сани начал строить Срок, когда я валялся в беспамятстве. По моим рисункам. Он наколот из ели длинные доски для полозьев, замочил их в мочеvine и достаточно хорошо выгнул.

Потом мы вместе связали раму из легкого дерева и насадили её в полозья, закрепив рыбьим клеем.

Освоив науку управления парусом, обе экспедиции отправились в путь.

Мы с Дедалом занялись плавкой имевшихся у меня медных предметов в соединении с оксидом марганца.

Разломав изделия и марганец я засыпал их в обожжённый глиняный тигель и установил тигель в печь, закрыв её крышкой. Кислород подавался кожаными мехами по керамической трубе.

Дедал, увидев меха и их работу, удивлённо «крякнул». «Кхекал» и «крякал» старик ежеминутно, наблюдая за моими манипуляциями.

Воздух меха забирали не снаружи, а из небольшой печи и это добило Дедала. Он сел на бревно и молча наблюдал за процессом, теребя бороду.

Слава интернету и моему любопытству! Я пересмотрел массу всяких, совершенно бесполезных для моей жизни в том мире, видео. Кое что из них я помнил, но больше, конечно, додумывал сам. Например, плавильная печь из туфа – моя придумка и как она будет работать я не знал.

За процессом плавки я наблюдал через смотровые оконца, закрытые керамическими пробками, иногда открывая их.

На огонь костра можно смотреть бесконечно долго, а на огонь в горне или плавильной печи долго смотреть не хотелось. Мне становилось жутковато. Я вспоминал огонь беспамятства.

Однако я заметил, что глядя на огненные всплески, я стал чувствовать, как плавится руда, как соединяются металлы, как из неё выгорает кислород. Всплохи угля и металлов имели разную интенсивность и окраску. И я почувствовал, как усиливается жар в тигле от выделяющегося из оксида марганца кислорода.

Медь поплыла быстрее, а марганец всё не хотел плавиться. Он продолжал плавать в расплаве, как чёрные сухарики. Я взволновался, а Дедал посмотрел на меня с нетерпением. Я скривился и, вздохнув, подошёл к мехам, которые качал парнишка лет десяти, перехватил рукоять и толкнул его к печи, давая возможность заглянуть во внутрь.

– Он плавиться, – тихо сказал парень.

Дедал оттолкнул его, глянул в окно и, обернувшись, оскалился.

– Течёт, – сказал он.

Я не стал смотреть. Течёт, и правильно делает. Я проверил пресс формы для отливки наконечников и кинжала вытащил их из печи для прогрева, пошёл к заднему коромыслу «стрелы крана», отягощённому привязанными к нему камнями.

Нельзя было, чтобы расплавился тигель.

Голову печи сдёрнули легко и красиво. Подмастерье даже взвизгнул, а Дедал снова кашлянул.

Аккуратно уложив верхнюю часть печи на подставку, я подошёл к печи и заглянул внутрь. В тигле ровным красно-жёлтым слоем лежала бронза.

Опустив березовую палочку в печь, я перемешал расплав.

– Жидко, – сказал я и подхватил тигель за петлю крючком медной проволоки.

«Только бы не обломился», – думал я поднимая.

Дедал подхватил тигель точно подогнанными под размер щипцами и аккуратно разлил металл по формам. Металла хватило на кинжал, шесть копьевых наконечников и на три больших рыболовных крючка.

Быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается. На весь процесс плавки ушел практически весь здешний световой день. Около восьми часов: четыре часа розжиг, остальное

– плавка. Слишком долго печь набирала температуру. Зима, всё-таки. Да и воздух мехами подавался обеднённый кислородом. Надобы сделать в предварительной печи трубу.

– «Надо ставить кузню», – подумал я.

Сланца из пещеры подняли кубов сто и сразу клали из него стены. Пока без какой-либо связи, но она будет нужна обязательно. Для стен более пяти метров-то. Рост у меня уже сейчас был больше двух метров, а у Дедала под три. И крышу из чего стелить?

Из мечтаний о нормальной кузне меня вывело очередное покашливание Дедала.

– Кхе-кхе... Посмотреть бы, – сказал он, и я очнулся.

Разобрав деревянный короб, мы положили форму набок и сняли одну из сторон.

Меня, естественно, интересовал нож. Изъянов в отливке не было. Обоюдоострое лезвие длиной около четырёхсот миллиметров, шириной около семидесяти и толщиной в центре около пятнадцати, литая рукоять с мощной крестообразной гардой и шарообразной пяткой. Уже сейчас им можно было рубить врагов.

– Я считаю – получилось, – сказал я Дедалу, передавая кинжал ему в руки.

Дедал взял его сначала обеими руками, потом правой рукой за рукоять и взмахнул им. Воздух издал звук вспоротой натянутой парусины.

Найдя взглядом чурку, он вопрошающе посмотрел на меня. Я кивнул. Он подошёл и ударил. Чурка выдержала, но кинжал вошёл в древесину глубоко.

– Хорошая вещь, убойная, – сказал Дедал и подал нож мне, но я отстранился, снял кожаную рукавицу и взял наконечник для копья.

Наконечник по форме походил на кинжал, однако был менее сплюснут и вместо рукояти имел шип для насаживания на древко.

Подкинув его на ладони, я привязал к шипу лёгкую ленточку, и, примерившись, метнул наконечник во вкопанный столб «крана». Наконечник вошёл остриём и вошёл глубоко. Тут крикнул не только Дедал, но и мы с подмастерьем. Не ожидал я от себя такого броска.

Наконечник вошёл в дерево по самый шип.

Я подошёл к столбу, потрогал шип пальцем, посмотрел на Дедала, провёл пальцем себе по шее и ткнул им в старика. Потом махнул рукой. «Мохрратить» столб из-за железяки не хотелось.

Непроизвольно я целил в шею взрослого воина, а это около двух с половиной метров, и шип сейчас торчал на этой высоте.

Дедал понял меня правильно. Он взял обломанную ветку и насадил её на шип. Подмастерье запрыгал от радости. Он ничего не понимал, он просто смотрел, как забавляются взрослые, и от этого ему было весело. Весело было и мне.

* * *

Назавтра я проковал каменным молотом режущую кромку кинжала и наконечников, закалил и состарил. Всё делал на ощущениях времени. Часа через четыре после закладки я вынул кинжал из плавильной печи и положил на решётку обычной печи и продержал так ещё около четырёх часов. Короче, до вечера.

Наутро я сломал второй отросток на кинжале, получившийся в результате заполнения бронзой воздушного канала, и пришёл к выводу, что кинжал «вроде как стал крепче».

Дедал долго не понимал, что я делаю. Как я ему не объяснял. Запаса местных слов не хватало, и я стал вставлять русские. Вместе с междометиями.

– Дед, смотри. Берём медь, нагреваем. Если сразу её в воду, херак! – я опустил раскалённый прут в воду. – Будет мягкая.

Я погнул прут и обстучал его.

– Проковать его – станет твёрдым и если оставить остывать на воздухе, – я покрутил вокруг руками, – тоже станет твёрдым. Понял?

Дедал слово «понял» уже знал, поэтому покачал головой.

– Млять! – Сказал я, зарычал и треснул его кулаком в душу.

Я взял мешок и засыпал его песком. Потыкал мешок пальцем.

– Мягко?

«Мягко» и «твёрдо» Дедал тоже знал.

Дедал потыкал тоже и согласился.

– Мягко.

Я скрутил мешок, побил его так, чтобы песок спрессовался, как камень, и треснул Дедала этим мешком по заднице.

– Твёрдо?

– Твёрдо. Больно.

– А так? – Я раскрутил мешок и снова треснул старика.

– Мягко.

– Вот так же и там, – я показал на бронзу. – Если побить, будет твёрдо.

Дедал удивился.

– Песок! – Воскликнул он. – Камень, песок, металл. Мять. Твёрдый. Мять – млять. Млять

– твёрдый.

Он почесал грудь.

– Млять! – Выругался он совершенно по-нашенски.

Я засмеялся.

– Ну почему все иностранцы первым учат русский мат?

Глава 7.

Обе экспедиции вернулись благополучно, и плавка бронзы продолжилась, но уже без меня. Я изготавливал пресс-формы. Сначала предмет вырезал из дерева, потом прессовал в бентоните. Пришлось покумекать над боевыми топорами, как их отлить с отверстием под топорщице, но с этим разобрался быстро.

Долго работал над пилой. Пришлось вылепливать каждый зубчик вручную и подгонять обе стороны формы. Получилось, честно говоря, так себе, но пила пилила.

Потом отлили несколько кинжалов с пилами на обухе.

Дедал радовался каждой отливке как ребёнок.

* * *

Для того, чтобы разгрузить тело от однообразных нагрузок, я занялся тренировкой войска и досугом ребятишек.

Для ребятишек на заснеженной реке установили небольшие ворота, и я показал, как ловить мяч, который бьют ногами. Расчертили площадку под «пекаря». Это игра, типа «городков», только с наличием защитника города.

Поначалу ребятня и взрослые не понимали, для чего это нужно, но когда я показал, как на расстоянии пятидесяти метров сбиваю голову снеговика, всем всё стало ясно.

Видоизменив «лапту» я показал, как попадать в ту же голову снеговика камнем с помощью дубинки, так же из пращи.

Взрослые занимались строевой подготовкой и рукопашным боем с применением различного холодного оружия.

Сети позволили меньше уделять времени добыче пропитания и кормили племя исправно.

За рудой ходили за зиму многократно, и часто не по двое-трое, а всеми взрослыми мужами. Марганца много не надо было, а вот меди не хватало. Да и волки появились на проторенной дороге. Вдвоём-втроём не отбиться. Заодно потренировались в стрельбе из луков и запаслись шкурами.

Ребятишки тоже осваивали луки, коих наделали изрядно, охотясь на пушного зверя: белку, соболя и что-то очень рыжее и вонючее. Хорька, наверное, американского. Или как он тут называется? Я, отплёвываясь и непроизвольно отхаркиваясь от мерзкого запаха, произнёс слово «хорь».

Лопаты, и большие, и малые, заготовили загодя, и снег вычищали дружно, ежеутренне сбрасывая его со скалы на приток Ларга. В итоге к концу зимы там образовалась великолепная снежная горка, и я не удержался и спустился по ней на изготовленных наскоро лыжах. Оставались ещё неиспользованные заготовки полозьев для саней. Вполне успешно скатился, между прочим.

Когда Игра поняла моё намерение, она впилась в меня руками и едва не укатилась со мной, лишь в последний момент, отпустив меня.

Оттолкнувшись палками, я ринулся с кручи.

На лыжах я намертво прикрепил кожаные крепления, затягивающиеся и завязывающиеся сзади и сверху. Нога держалась очень прочно. Правда, уж если упадёшь, руки-ноги могут не выдержать. Имел я подобный опыт в своей прошлой жизни, поэтому тормозил в конце пробежки по заснеженной реке только лыжами.

Укатился я далеко, но на душе у меня было радостно. Отвязав крепление, прижимавшее пятку, я бодренько побежал к «трём богатырям», как я называл нашу скалу. Они и впрямь, особенно отсюда, и присыпанные снегом, были очень похожи на воинов в белых плащах.

– Не хватает ещё красных тамплиерских крестов, – подумал я, произнеся мысли вслух. И потом добавил, – Свят, свят, свят. Упаси Боже.

Я замахал палками в сторону дома. Мне впервые за всё время пребывания здесь стало по-домашнему хорошо.

– И ведь придут когда-нибудь... – Вздыхнул я.

Стоял солнечный мартовский день. Я в течение года экспериментировал с солнечными часами и установил дни солнцестояния: весеннего и зимнего из расчёта – триста шестьдесят пять дней в году.

Отметив самый короткий день в году, я отсчитывал от него дни, и по этим подсчётам шли уже восьмидесятые сутки, то есть – 12 марта.

– День рождения, – вспомнил я. – Сегодня мой день рождения.

День рождения Урфа я не знал. Да и никто не знал. А мой вспомнился. И вспомнился висевший когда-то у меня вечный календарь с цифрами и месяцами, на которые надевались колечки. Какой хочешь день, такой и ставь.

Надо сделать такой же в племени и отмечать дни рождения. У нас в племени, как раз сегодня ночью родился ещё один житель. Я понял, что есть повод для веселья и поспешил в городище.

* * *

Я быстро взобрался по вырубленным в расщелине ступенькам и, на несколько минут зайдя в пещеру, поднялся в город и подойдя к кузнечному столбу, стукнул битой в висевший на бронзовой цепи бронзовый лист.

Народ вздрогнул и приблизился, побросав всё. Вождь зовёт, не хухры мухры.

– Граждане свободного города Урфа! – Прорычал я по-русски.

Я всегда так к ним обращался и они привыкли.

– У нас сегодня родился ещё один гражданин, и я предлагаю отметить этот день, чтобы его родители... – Я поперхнулся. В племени не было постоянных супружеских пар.

– Чтобы родительница, и мы все запомнили этот день и передали память о нём сыну. В честь этого я, как вождь племени дарю новому гражданину наш священный тотем – «рыбу» с символом этого дня. Отныне и далее повелеваю отмечать дни и годы рождения.

Никто ничего не понял, кроме того, что вождь решил одарить сына Огры блестящей и красивой безделицей в виде рыбы, на которой с одной стороны были выбиты непонятные для всех знаки «12.03.03».

Честно говоря, я тоже бы ничего не понял, но с завтрашнего дня решил ежедневно учить детей не только стрелять из лука и кидать камни, но и уму-разуму.

* * *

Сошёл снег, и вскрылась река. Метрах в пятидесяти ниже городища мы наметили линию ещё одного городского рва и стеновой насыпи, и за зиму вырубили там деревья. Большими топорами и несколькими удачными пилами валить деревья было значительно сподручнее.

После ледохода опробовали обтянутую шкурами рамную лодку. Сначала никто не хотел садиться в гуляющую под ногами посудину. Но когда я смело уселся, и, гребя одним веслом, прокатился туда-сюда по реке, взяла весло и села в лодку Игра.

– Ну что, сестрёнка, на «раз-два»?

– На «раз-два», – дрожащим голосом повторила она.

Я оттолкнулся веслом от причала, – уложенных на край скалы двух тёсаных «полубрёвен», уложенных на сваи, и скомандовал.

– И раз, и два, и раз, и два.

Игра послушно опускала весло. Не прошли даром зимние тренировки на бревне.

– Табань, – сказал я, и лодка послушно развернулась почти на месте. – Ну вот, а ты боялась.

– Какой ты у меня, Урф! – Прошептала Игра. – Ты самый лучший. Только я всё равно боюсь.

– Это пройдёт, – довольно сказал я.

Лодка, или как называл её я – каяк, имела толстый «киль», состоящий из двух частей: внутренней и внешней.

К внутренней части киля крепились шпангоуты, утопленные в него на четверть. По бортам от носа до кормы проходили по три гнутых бруса, тоже утопленных в шпангоуты на четверть.

То есть, кожа лежала ровно, приклеенная и привязанная к раме ремнями. На первом снизу бруске лежали скамьи: две центре и по одной спереди и сзади. Лодка получилась вместимая, с высокими, чуть загнутыми внутрь бортами.

– И раз, и два, и раз, и два, и раз....

Я ускорил темп и командовал на один такт, то есть один взмах в секунду, и лодка быстро двигалась против течения. Грести было легко.

– Умничка, – похвалил я Игру.

Мы быстро скрылись за поворотом реки и легли в дрейф. Я положил весло и стал расправлять сеть. Примерно в том месте, где ставили и зимой, я аккуратно стал опускать главный якорь сети.

– Помогай!

Я опускал сеть в воду, а Игра перебирала сеть, чтобы та не запуталась, не зацепилась за борт, и не перевернула лодку. Первый в этом мире спуск сети за борт прошёл благополучно.

Вернувшись к причалу, мы привязались. Я вылез, а Игра вопрошающе посмотрела на меня. Срок крутился рядом, как собачий хвост.

– Вы катайтесь, но не потоните и других не потопите. Помните, чему я вас учил: прежде чем входить-выходить, надо что? – Спросил я.

– Привязаться к причалу.

Я махнул рукой.

Причал у нас получился отличный. Ещё зимой вставили заточенные снизу брёвна в продолбленные во льду лунки (по два на ширину причала) и глубоко вколотили их в дно реки. На лёд положили брёвнышки поменьше и закрепили их на сваях клиньями, а на них положили широкие доски.

Мы не стали пилить брёвна с учетом возможного повышения уровня воды на следующий год. Если что, просто переместим поперечины.

Симпатично как-то становилось вокруг. Ступеньки в город облицевали серой керамической плиткой из бентонита, как только сошёл снег. Сейчас устанавливали вертикально керамические плиты, дополняющие образ трёх богатырей. Получался природно-рукотворный барельеф. Ещё зимой я поставил небольшую разборную печь для выпечки керамики и посуды.

Бентонит – глина особая. Это отличный пластификатор и эффект спекания у неё великолепный. Я домешивал в обычную глину четыре части бентонитовой, и у нас стала получиться неплохая керамика.

Забавно, что на нашей горке лежала и простая глина и бентонит.

Керамические плиты для барельефа делали «г» образными, чтобы верхней планкой плита повисала на выдолбленном для него в камне уступе, а следующая плита ложилась на нижнюю. Получалась довольно-таки крепкая конструкция.

Я хотел, чтобы моё родное племя увидело мой город, о чём я, впоследствии, не раз раскаивался. Надо было сидеть, как мыши под веником. Но гордыня и тщеславие обуяли меня.

Рысь убежала и возвращалась. На охоту я ходить перестал, и ей со мной стало не интересно. Щенята выросли за зиму вдвое, почти догнали мамашу и тоже охотились поодиночке. Но от городища они не уходили, и это уберегло нас от нашествия волков.

* * *

Я замешивал в нужной пропорции очередную партию глины для керамики, когда громко звякнуло било. Это означало, что кто-то увидел посторонних. Я встал, осмотрелся.

– Там! – Крикнул мальчишка лет десяти и ткнул рукой за реку.

Я посмотрел в указанном направлении. На противоположном берегу стояла группа людей, явно заинтересованных увиденным на нашем берегу.

Я сам неоднократно высаживался на тот берег и как художник рассматривал творение рук своих. Барельеф был закончен и он мне нравился. У воинов появились лица, мечи, опущенные в реку и руки, лежащие на гардах. Появилось ощущение, что воины выходят из воды. У среднего воина на голове была корона, и корона не была плоской. Она была вроде как надета ему на голову и возвышалась над краем скалы.

Я подошёл к краю и оперевшись правой рукой о корону, левой помахал бывшим соплеменникам. Это были они. Даже с такого расстояния я разглядел Хрымара.

Из-за реки донёсся его рык. Я ответил своим. Я долго тренировался и хорошо разработал все свои резонаторы. Это была моя территория, и я прокачал её, поэтому мой рык получился сильнее и протяжнее.

Я думаю, и Хрымар узнал меня. Он запрыгал в бешенстве по берегу, а я отошёл в сторону и продолжил свою работу. Масса подсыхала, а её ещё надо было вымешивать. Мои подмастерья застыли в нетерпении. Да и Игра с женщинами, нетерпеливо покручивали ногами гончарные круги и посмеивались, о чем-то тихо переговариваясь.

Я обратил внимание на то, что Игра покраснела, а две её товарки прыснули со смеху. Ещё я заметил, что как раз в это время в городище появился Срок, и взгляды товарок перебежали от него к Игре.

Присмотревшись к Игре, я понял, что она беременна. И тут её взгляд встретился с моим. Глаза её испуганно расширились. Я ухмыльнулся, показал пальцем на свой живот, потом на неё, а потом поднял большой палец вверх. Что означал этот знак, в городе знали все. Игра заулыбалась. Срок увидел наши перегляды и шмыгнул куда-то за вигвам.

– Процесс пошёл, – сказал я сам себе, отмеряя нужную пропорцию бентонита.

* * *

Будни любого поселения схожи: добывание пропитания, уборка территории, ремонт инвентаря и оборудования, подготовка к зимнему периоду. К последнему относились различные заготовки, изготовление и ремонт зимних вещей. Рутинная.

К концу лета передвижение по реке на лодках освоили большинство мужчин. Купание в реке переросло в плавание.

Когда Игра стала «тяжёлой» она в конце «рабочего дня» спускалась с пирса в реку и лежала в воде, держась за доски или брёвна, отдыхая и разгружая, таким образом, позвоночник.

Течение, совсем слабое под скалой, растягивало, и вода приятно струилась вдоль тела. Эта процедура понравилась и другим «горожанам», сначала женщинам, а потом и мужикам.

Потом Игра и Срок научили всех плавать.

Дальше по течению при соединении реки с притоком, лежала небольшая галечная отмель, на которую и относил смельчаков от пирса. Как-то незаметно, но научились плавать все.

* * *

Пришла беда, как говорится, откуда не ждали. А не ждали мы её со стороны притока. Сначала не вернулись наши разведчики, отправившиеся вверх по притоку на двух лодках.

Они должны были дойти на вёслах до второй от города «закладки» оловянной руды, погрузить, сколько можно, в лодки, и вернуться назад.

На всё про всё им давалось семь суток. Для отсчёта времени у них был небольшой «календарь» – доска с дырочками и цифрами. С ними ушел Срок, который уже вполне сносно мог

считать и понимал, что такое дни и ночи, и что они складываются в сутки, которых в году определённое количество.

В нашем первом путешествии, когда мы спускались вниз по реке, у нас было много свободного времени, и я пытался вести с «детешками» просветительскую работу.

– Вы все знаете, что светила меняются – это день и ночь – сутки, что тепло приходит и уходит – это год. Год за годом – это жизнь, которая сменяется на смерть.

Во время путешествия к морю и обратно я научил своих «детешек» считать дни. Мы делали зарубки и помечали их цифрами до тридцати.

А здесь в городе, когда мы завели календарь и стали считать дни от основания дня появления меня в этом мире, я стал проводить занятия по арифметике и не только. Я много объяснял и показывал.

Я вспомнил, как я учил иностранные языки, так стал учить свой народ. Начали со слов, обозначающих действие, их было легко показать. Как известно, глаголы – это производные от существительных: стол – столоваться, шаг – шагать, лёт – летать, бросок – бросать. Особенно в английском. Добавил «ту» перед существительным, вот тебе и глагол. В русском сложнее, конечно. Да и слишком уж русский язык богат. Много в нём заимствованных слов.

Я же пошёл от обратного. Показывал действие и называл слово. Мне было важно, чтобы понимали мои команды. Так, наверное и возник английский язык. Язык – коротких команд.

С одной стороны, если бы я попал в развитое общество, можно было бы общаться на равных, а с другой стороны, кто бы меня там стал слушать? Горожане слушали меня с раскрытым ртом, и выполняли все мои приказания. Поговаривали, что в меня вселился дух огня. Были у местных такие понятия.

Они одухотворяли всё предметы и явления вокруг. Особенно природные. Не обожествляли, но обращались как к равным себе.

Так вот... Экспедиция Срока не вернулась ни через пять дней, ни через десять. По реке не проплыли запасные поплавки, а значит лодки не переворачивались. Не проплывали перевёрнутые лодки, и значит беда случилась на берегу и сразу со всеми.

Я не склонен был отправляться туда же и выяснять, что с ними случилось. Если виной гибели людей звери, то хоть один из воинов должен был вернуться, а если люди, то послать другую экспедицию в специально расставленную засаду глупо.

Наверное, глупо было оставлять своих горожан одних, но нам нужна была медная руда, а самородки вокруг «медной горы» закончились, и нужно было искать залежи выше по реке. Туда я и поплыл, взяв с собой лишь Браса. В городе за старшего остался Дук.

* * *

Обойдя окрестности «медной горы», я убедился, что малахит здесь закончился, но нашёл несколько крупных самородков золота и пирита.

Мы поднялись на лодке выше по реке и тут я увидел знакомые норы в глиняном холме. Я точно помнил, что, когда мы спускались с Игрой и Сроком на плотках, жилищ не было.

Убедившись, что людей вокруг нет, мы подплыли ближе и вылезли на берег. Стоянка пустовала давно. Запахи, характерные для поселения не цивилизованных людей, почти отсутствовали. Мусорные кучи ещё пованивали, а вот отхожие места, коими являлась вся стоянка, уже нет.

Осмотревшись я заметил, что относительно свежие следы многих ног уходили не вниз по реке, а вверх. Меня это и удивило, и насторожило. Близятся холода и Хрымару пора спускаться к океану, а он почему-то повёл племя в глубь материка в горы.

И тут я вспомнил, что выше этого места на реке есть пережат, через который мы перетягивали плоты вручную. Хрымар перевёл племя на нашу сторону реки, понял я.

Окинув взором горы, я увидел ложбину, по которой можно перейти в долину реки Ларга.

Мы поднялись вверх по течению и на противоположном берегу увидели старые следы, уходящие в направлении ложбины. Я всё понял. Мы срочно поплыли обратно.

Не останавливаясь на ночлег, и непрерывно работая вёслами к середине следующего дня мы увидели нашу скалу. Ещё издали было понятно, что что-то с нашим городом не так.

Нас не встречали ни рыбаки на лодках, ни дымы от костров. На стенах не было некоторых плит барельефа и короны на голове центрального «витязя». Приблизившись я понял, что город пуст.

Мы спешили, но мы не успели. Мы отсутствовали всего четверо суток, но за это время кто-то разрушил город, убил или взял в плен жителей.

То, что в городе шла нешуточная битва, мы определили по обильным следам крови и нескольким телам, лежавшим на отмели, вероятно, сброшенными со скал в реку.

Я сел на бревно и заплакал. Стоял и плакал, поскуливая словно щенок, Брас. Я вскочил и зарычал, раздирая лицо когтями. Я жаждал крови. Хоть чьей-нибудь.

Скулёж усилился.

– Брас, прекрати, – крикнул я, но вдруг понял, что это скулит не человек.

Я огляделся. У норы Рыси сидел маленький щенок и скулил, а за ним, закрывая телом вход, лежала его мать. Даже издали было понятно, что она мертва.

Я подошёл ближе. Щенок взвыл и попытался убежать, но передние лапы его не удержали, и он ударился мордочкой о землю. Я подхватил его левой рукой, а правой потянул Рысь за лапу и перевернул её на спину. Рой мух взмыл в воздух. Стекланный взгляд кото-пса упрямо уставился мимо меня.

В норе многократно пискнуло.

Я сунул щенка в сумку, оттащил Рысь от входа и полез в нору, пробуксовывая и руками, и ногами в луже застоявшейся крови.

* * *

Я предал Рысь земле с почестью, а в холм воткнул обломок деревянного копья, которым её убили. Хоть она и не стала домашней собакой, но она поверила мне и мы стали с ней приятелями. Теперь надо как-то не дать погибнуть её новорожденным щенкам.

– Нужна коза с молоком, – сказал я Брасу, делая сложный выбор: или идти выручать оставшихся в живых жителей города, или заниматься щенками. Если первое, то щенки погибнут. Я выбрал второе, тем более, что пленникам, по-моему, ничего не угрожало кроме голода.

Быстро сделав загон из кольев и вплетённых в них веток для будущей добычи, мы с Брасом пошли на охоту.

Мы освободили проход в «бутылочном горле» охотничьей засеки и, перебравшись каждый на свою сторону, пошли к основанию ловушки.

Я уныло брёл вдоль правой стороны засеки, когда вдруг услышал угрожающее рычание. Поведя в сторону рыка копьём, я увидел «серо-буро-малиновую» шкуру. В сумке заскулили щенки.

«Брат» снова зарычал. Похоже, это был он. Я заметил его рваное ухо. Хоть пёс и прижал их к голове, что означало явную агрессию, он стоял ко мне правым боком и изъян был виден.

– Ты чего? – Спросил я, отступая спиной к завалу. – Мамку твою убили, а это её дети.

Я поставил сумку на землю и приоткрыл её, стараясь, чтобы кутята не распозлись.

– На, посмотри на братьевников. Иди ко мне, – позвал я пса.

Пёс нерешительно, максимально вытянувшись мордой вперёд, подошёл ближе и обнюхал сумку, потом завилял хвостом, подошёл ближе и лизнул ближайшего к нему щенка.

– Так-то лучше. Пойдёшь с нами на охоту? – Спросил я. – Где твой Друг?

Брат оглянулся в чашу, и я увидел сливающийся с осенним лесом силуэт большого кота. За год они сильно выросли и уже давно жили отдельно от мамыши, а значит и от города, но охотились с нами сообща всегда с удовольствием.

– Молоко нужно. Коза нужна с молоком. Загон! – Скомандовал я.

Брат вскинулся. Уши его встали торчком, но он вдруг заскулил.

– Ну, что поделаться? Иди ко мне, – подозвал я.

Кото-пёс подошёл без опаски и потёрся о мою ногу. Шерсть у него была короткая, и оттого тело казалось горячим. Я любил спать в обнимку с Рысью. Почухав его за ухом и потрепав холку, я толкнул его.

– Вперёд!

Брат и Друг исчезли в лесу.

– Как-то стало веселей, – сказал я, приободрившись и доставая из нашего мешочка бронзовый собачий свисток. Я отлил его с пятой попытки. У меня был такой дома, и я точно помнил его размеры. Он был очень маленький, и потому отлить его долго не получалось. Я даже сначала плюнул, отлил гильзу как от «мелкашечного» патрона, и дул в неё, управляя псами, но потом собрался и придумал, как отлить длинную тонкую трубку, переходящую в «улитку». Терпенье и труд, как говорится...

Я зашагал веселее.

Когда я дошёл до входа в засеку, вся троица была в сборе и ждала меня.

– Загнали? – Спросил я.

Братья замотали хвостами.

Я трижды свистнул. Псы разбежались по загону. Свистнул ещё трижды и пошёл в сторону ловушки.

Наша с Брасом миссия упростилась, поэтому встретившись с ним у «бутылочного горлышка», я похлопал его по плечу.

– Псы с нами, – показал я, двигая двумя руками вперёд, сжимая и разжимая пальцы.

– Видел, – ответил он, показывая двумя пальцами правой руки на свои глаза и направляя пальцы вперёд.

Этот русский язык жестов освоили все взрослые воины нашего племени, и я горделиво ухмыльнулся, а потом с горечью сплюнул.

В загоне можно и пошуметь, но привычка – вторая натура. Если можно не шуметь, то зачем? А вдруг кто ещё здесь есть? Мы охотимся на коз, а кто-то на нас?

Впереди рыкнул Брат. Я заметил, что псы четко понимают, кто из них старший. Вернее, кого я назначил старшим. Обычно это был Друг, но сегодня я назначил Брата, и все слушаются его. Псы меня удивляли своим разумом.

Поняв, что братья «поставили» добычу, я свистнул два раза, что означало – «ждать», и поспешил вперёд.

Не сказать, что нам повезло, просто я знал, что в наших «охотугодьях» проживает шесть маток оленей, каждая с двумя-тремя телятами. Я запретил их убивать, и мы постоянно их выпускаем после загона.

«Матухи» уже даже перестали бояться не только нас, но и Рыси с псами и теперь стояли в ловушке, спокойно обгладывая кору деревьев. Они косились на «братьев» и прядали ушами, но не выказывали беспокойства.

– Не угадали, девоньки, – вроде, как сожалеея, сказал я, разводя руками и одновременно сбрасывая волосяной аркан с плеча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.